

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ЭКЗОРЦИСТ

ПАВЕЛ КОРНЕВ

МОФ

Экзорцист

Павел Корнев

Мор

«Автор»

2012

Корнев П. Н.

Мор / П. Н. Корнев — «Автор», 2012 — (Экзорцист)

ISBN 978-5-9922-1242-6

Войны заканчиваются, скрытое противостояние между странами не прекращается никогда. Всегда будут люди, охотящиеся за чужими секретами, и люди, эти секреты охраняющие. Не рыцари на белых скакунах, но рыцари плаща и кинжала. Неприметные работники тайных служб. Себастьян Март в своем деле один из лучших, но даже он всего лишь карта в беспрестанно тасующейся колоде. Меняются расклады, меняются противники: чернокнижники, торговцы дурманом, предатели в собственных рядах, а настоящие игроки остаются в тени. Попробуй подобраться к ним, и немедленно окажешься перед необходимостью выбирать: исполнить ли долг или спасти тех, кто близок. Бездна или плаха – выбор невелик.

ISBN 978-5-9922-1242-6

© Корнев П. Н., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Допрос первый	5
1	6
2	11
3	16
4	20
5	24
Допрос второй	29
1	30
2	34
3	43
4	47
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Корнев

Мор

Допрос первый

Мор

Месяц Святого Себастьяна Косаря
Год 974 от Великого Собора

1

День начинался – лучше не бывает.

Проснулся я отлично выспавшимся в самый разгар утра, когда часы на соседней башне отстучали десять раз. К тому же проснулся не один, а в обнимку с молоденькой девицей – и не абы какой гримзой, показавшейся раскрасавицей исключительно с пьяных глаз, но действительно симпатичной служаночкой. Да еще и выставленное вчера хозяином вино оказалось отменного качества, и в голове было ясно-ясно. Словно и не пил до полуночи.

И это обстоятельство радовало неимоверно: через час идти на встречу, и если свежий запах перегара будет там более чем уместен, то похмельная маета лишь доставит кучу неудобств.

Решив прекращать уже отлеживать бока, я высвободил руку, разбуженная неловким движением служанка заворочалась и открыла глаза.

– Доброе утро, – прижалась ко мне девушка. – Как спалось?

– Просто замечательно, – улыбнулся я и спросил: – Хозяин не потеряет?

– Нет, все в порядке. А вы уже встаете?

– Дела.

– Жаль...

– Вечером.

Я откинул одеяло и невольно поежился: из-за оставленного открытым на ночь окна в комнате оказалось довольно прохладно. Мурашки по коже так и побежали. Осень, ничего не попишешь.

– Вы интересный. – Девушка провела кончиками пальцев по моему предплечью и соскользнула с кровати. – Первый раз у купца татуировку вижу.

– Ошибка молодости, – не моргнув глазом, солгал я. – Когда с отцом на корабле ходил, матросы с панталыку сбили. Набрехали, будто иначе портовые девки любить не будут.

– Это какая-то молитва? – через голову надевая сброшенное вчера на пол платье, поинтересовалась служанка.

– Из откровений Мартина Мореплавателя, – вновь пришлось мне прибегнуть ко лжи. – Молитва об удаче для путешествующих морем.

Быть пойманным на вранье я несколько не опасался. Предплечье расчертили староцерковные письмена, и отличить одну цитату из Святого Писания от двух других было не под силу и куда более образованному соглядатаю.

Я и сам, хоть прочел немало книг из закрытых монастырских архивов, не в полной мере мог разобрать черневшие на коже мудреные закорючки. Но одно знал совершенно точно – изречения Николаса Слепца и Августины Травницы никакого отношения к морской удаче не имели.

Погибель бесам и исцеление тела, вот какой смысл – и не только смысл! – несли эти не слишком ровно наколотые слепым мастером слова. И лично для меня это было куда важнее попутного ветра и семи локтей под килем. *«Нательные знаки как защита от скверны».*

– Так вы, мастер Маагларь, из моряков? Тогда понятно, откуда такая прыть! – рассмеялась служанка и, выпростав из ворота русую косу, повернулась ко мне спиной. – Затяните.

Я помог ей справиться с платьем и, не отказав себе в удовольствии облапить ладную фигурку, легким шлепком чуть пониже спины подтолкнул девицу на выход:

– До вечера, красавица.

– Уж будьте уверены, мастер...

– Серж, просто Серж.

– Вы очень добры...

Лукаво подмигнув на прощанье, служанка выскользнула за дверь; я задвинул засов, поежился и поспешил натянуть ночную рубашку. И только потом отдернул плотную штору, открыв комнату солнечному свету и свежему воздуху, а заодно уличному гомону вкупе с целым букетом не самых приятных запахов.

Ну да это Лем, что с него взять! Даже в ранге столицы Протектората он всегда оставался жуткой дырой, а после грядущего раздела спорной провинции и официально станет самым обычным заштатным городишком, одним из многих в Стильге. К тому же еще и пограничным.

Впрочем, сейчас Лем мало походил на забытое всеми Святыми захолустье – прибытие высоких гостей хоть на несколько дней, но вдохнуло в него новую жизнь. Да иначе и быть не могло: кроме судьбы служившей яблоком раздора провинции на повестке дня стоял вопрос о разделе Тироша, и, помимо делегаций Стильга и Драгарна, городок своим присутствием почтили доверенные лица властителей всех сопредельных государств. А вместе с ними – толпы охранников, шпики, торговцы и просто жуликоватые любители половить рыбку в мутной воде.

На моих глазах катившие телегу тяжеловозы едва не стоптали зазевавшегося прохожего, и шествовавший за возом стражник немедленно воспылал желанием наподдать раззяве древком тяжелой алебарды. Но резкий порыв ветра крайне своевременно для ротозея откинул край дерюги, и позабывший обо всем на свете служивый кинулся укрывать трящиеся в телеге мертвые тела.

Я успел заметить самое меньшее две пары босых пяток и усмехнулся: опять, видно, поножовщина в самый неподходящий момент приключилась, вот местные шишки и приказали разобраться с этим делом по-тихому, ни в коем разе не беспокоя съехавшуюся в город почтенную публику.

Ну да и Святые с ними! Я отошел от окна к висевшему на стене зеркалу, привычно провел пальцами по задней стороне, выскивая печать-благословение ордена Изгоняющих, и только после этого сдернул закрывавшее стекло полотенце. Придирчиво оглядел растрепавшуюся после бурной ночи черную шевелюру, нездоровую кожу лица, набухшие мешки под глазами и припухший нос, задумчиво потер слишком уж светлую щетину на подбородке и полез в несесер за помазком и бритвой.

Прошу любить и жаловать – мастер Серж Маагларь, собственной персоной.

Прибывший с делегацией Марны купец, который слишком прижимист, чтобы, как все нормальные люди, пользоваться услугами цирюльника, зато всегда готов сделать предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Но это еще впереди, да.

Наскоро побрившись, я привел в надлежащее состояние лицо, хлебнул остававшегося в кувшине вина и, прополоскав рот, сплюнул в ночной горшок. Сменил ночную рубашку на исподнее, с трудом влез в штаны и заправил в них сорочку. Теперь еще сюртук, без него никак...

Отвратительно скроенный искусным портным синий сюртук был слишком узким в плечах, заставлял сутулиться и выпячивал живот, но, оглядев себя в зеркале, я остался полностью доволен увиденным.

Вылитый марнийский купец-сквалыга, и никак иначе.

Шейный платок, гольфы, остроносые туфли и украшенный фазаньим пером берет прекрасно дополнили наряд, а простая трость со стальным набалдашником позволяла не только соответствовать последним веяниям моды, но и удерживать уличных попрошайек на безопасном расстоянии от звеневшего монетами кошелька.

Заперев дверь, я покинул гостиницу и привычной дорогой зашагал к городской ратуше, не забывая поглядывать по сторонам. От меня ведь не убудет, а малая толика внимательности способна иной раз уберечь от весьма и весьма серьезных неприятностей...

Взять вот, к примеру, невесть откуда прибудившегося нищего. Обыватель твердо уверен, что убогие и калечные бродят по городу как Святые на душу положат, да только это совсем не так. У попрошайек своя жесткая иерархия, и любому зашедшему на чужую территорию побитрушке неминуемо придется вскорости уносить ноги. И пусть этот конкретный горемыка занял не самое проходное место – да, глухое тут место, чего там, – проигнорировать его неожиданное появление было бы слишком опрометчиво...

– Подайте защитнику отечества, потерявшему здоровье на Лемском поле! – ухватив цепкими заскорузлыми пальцами мою штанину, загундосил колченогий мужик, кутавшийся в какую-то рванину. – Подайте, господин хороший, на пропитание ветерану славной армии Стыльга!

А еще обыватель в массе своей редко замечает то, что происходит у него за спиной, и потому удар дубинкой или наполненным песком мешочком обычно повергает разиню в неопи-сваемое изумление. Буквально до положения риз.

– Подайте!.. – вновь затянул калека, и, резко подавшись вперед, я коротким ударом сверху вниз расквасил ему нос.

Мужичонку опрокинуло на дерюгу; я для верности приложил его по печени острым носком модной туфли и без промедления ткнул за спину лежавшей на сгибе левого локтя тростью. Набегавший сзади громила со всего маху наткнулся на железный оконечник, сипло охнув, сложился пополам и немедленно поймал челюстью взметнувшийся навстречу набалдашник. Сыпанули обломки гнилых зубов, бугай захлебнулся стоном и прилег отдохнуть рядом с подельником.

Третий жулик выхватил нож. Иззубренный и местами поржавевший, но при этом способный отправить оппонента на встречу со Святыми ничуть не хуже остро заточенного шедевра какого-нибудь известного оружейника.

Нехорошо...

Тростью по руке – хруст раздробленных костяшек, будто бальзам на душу! – потом резко по колену и уже с оттягом по левой ключице.

Оболтус повалился на мостовую, но присутствия духа не потерял и стгоряча принялся нашаривать рукоять оброненного в грязь ножа; пришлось наступить ему на пальцы и протянуть тростью по ребрам.

– Ай! – взвыл тщетно пытавшийся выдернуть зажатую подошвой ладонь жулик. – Не надо! Хватит!

– Кто вас послал? – замахиваясь, спросил я.

– Никто!

– Кто вас послал? – Одновременно с вопросом трость шибанула парню по левому боку и, судя по звуку, перебила сразу два или три ребра. – Говори!

– Никто! – закашлялся бедолага. – Просто кошель приметили... Просто...

Легонько приласкав затылок обалдуя набалдашником, я отправил жулика в забытье, спокойно одернул сюртук и продолжил свой путь.

Совсем голытьба местная обнаглела – город полон стражников, а они почтенных гостей средь бела дня грабить надумали!

Нехорошо...

На собрание в ратуше я в итоге опоздал. Уже взбегая по стертým ступеням облицованного мрамором крыльца, увидел подпрыгивавшего от нетерпения главу торговой делегации Марны и помахал ему рукой.

– Ну что же вы, мастер Маагляр?! Ну как же так?! – проводя меня через оцепивших вход стражников, начал выговаривать обильно потевший толстяк с колыхавшимся в такт шагам вторым подбородком. – Его сиятельство ожидается с минуты на минуту, а вас все нет и нет! Я тут как уж на сковороде верчусь! Как же так?!

– Спокойствие, мастер Нарль, только спокойствие, – натянуто улыбаясь, попросил я, минуя брата-экзорциста.

Наряженный в длинный плащ, широкополую шляпу, полумаску и остроносые сапоги – все черной кожи, усеянной серебряными колокольчиками, – монах ордена Изгоняющих не обратил на меня никакого внимания, подпиравший рядом с ним стену «серый сюртук» тоже придирается не стал, а вот стоявшие дальше гвардейцы Драгарна потребовали сдать трость.

Ну и сдал, конечно. Почему не сдать?

– Идемте, мастер Маагляр, – заторопился толстяк. – Встреча состоится в кабинете бургомистра.

Статс-секретарь интендантской коллегии Драгарна кавалер Карл Альгре дожидался нас в кресле градоначальника, нисколько не смущаясь висевшего над ним портрета монарха сопредельного – и традиционно не слишком дружественного – государства. Его величество Грегор Четвертый наблюдал со стены завитые усики, аккуратные локоны и напудренные щеки горбоносого красавца с явным неудовольствием; я же к увиденному остался совершенно равнодушен. Глаза с хитринкой, волевой подбородок, острые скулы, вид решительный и мужественный – это ерунда. Главное, что у человека внутри. А внутри у кавалера Альгре зудела жажда наживы. Мне было об этом известно доподлинно.

Глаза – зеркало души, да. Но есть и другие, куда более надежные источники информации.

– Приносим свои извинения за опоздание, ваше сиятельство, – немедленно поклонился приложивший руку к сердцу мастер Нарль. – Произошла небольшая накладка...

– Не берите в голову, – махнул белоснежной манжетой статс-секретарь. – Право слово, не стоит так волноваться. В любом случае, нет никакой возможности согласовать интересующие вас сделки.

– Но кожаные изделия Марны по праву считаются лучшими во всех Святых Землях! – воскликнул до глубины души пораженный этим пренеприятнейшим известием мастер Нарль, и я поспешил ухватить его под локоть.

– Видите ли, ваше сиятельство, – улыбка далась мне нелегко, но это была честная, открытая и немного печальная улыбка, а не вымученная гримаса пытающегося втюхать лежалый товар коммивояжера, – мы просто не можем вернуться на родину с такими известиями. Боюсь, в этом случае нам придется самолично заняться изготовлением столь нужных вашей армии изделий.

– О? – в удивлении приподнял бровь кавалер Альгре.

– Марна переживает непростые времена. Война будит в людях не лучшие чувства, и наши тюрьмы сейчас переполнены еретиками, грабителями, ворами, а порой и теми, кто не столь быстро, как должно было, поддержал нового монарха...

– Боюсь, я немного не понимаю... – отставил бокал с вином статс-секретарь. – Вы хотите сказать...

– Все предлагаемые вашему вниманию товары изготавливаются на тюремных мануфактурах. И, если сделка сорвется, в казне скоро не останется денег на пропитание этих несчастных.

– Благотворительность – не мой конек! – надменно вскинул подбородок кавалер Альгре.

– Именно поэтому мы готовы делать отчисления в размере десятой части стоимости армейских закупок в, скажем так, резервный фонд для укрепления партнерских отношений...

– Вы предлагаете взятку? – приподнял бровь изрядно удивленный такой прямоотой Альгре.

– Как можно?! – обмер мастер Нарль.

– Взятку? Какое мерзкое слово, – поморщился я. – Взятки предлагают за что-то однозначно незаконное, а наши товары действительно лучшие. Полагаю, стоит рассматривать эти перечисления как некий страховой взнос. Наш поверенный в Норвеиме...

– Это детали, – отмахнулся кавалер. – Скажите-ка лучше, любезный, какой в этом деле интерес лично у вас. Наполнение казны, еда для заключенных – это все понятно. Но вам-то что с того, мастер Маагларь? – неожиданно остро глянул мне в глаза статс-секретарь. – А?

– В случае успешного завершения переговоров, – немного даже смутившись, ответил я, – мне было обещано несколько десятин земли неподалеку от Сарина. Имение – дрянь, но оно дает право на титул...

– Это меняет дело! – расплылся в улыбке кавалер Альгре, почуявший родственную душу. – Господа, чего же вы стоите? Присаживайтесь, присаживайтесь!

– Так вы согласны? – вытерев платком вспотевшее лицо, уточнил мастер Нарль.

– Разумеется, ведь ваши товары отменного качества! Надо только обсудить кое-какие детали... – рассмеялся статс-секретарь, и тут на башне ратуши ударил колокол.

И как ударил! Звук врезался в основание черепа, подобно залитой свинцом дубинке, и на какой-то миг у меня перед глазами все поплыло. Стиснув ладонями виски, я дождался, когда затихнут начавшие ворочаться в глубине души призрачные тени, и с облегчением перевел дух. А звон никак не утихал, и вскоре к нему начали присоединять свои голоса колокола по всему городу.

Что за бесовщина? С войны такого не было...

– Не понимаю... – пробормотал мастер Нарль и ошарашенно уставился на распахнувшего дверь драгарнского гвардейца.

– Ваше сиятельство, приказано доставить вас в замок, – прямо с порога отрапортовал служивый.

– Что стряслось?! – вскочил на ноги едва не облившийся от неожиданности вином кавалер Альгре.

– Мор.

2

Ратушу я покинул в растрепанных чувствах. И было отчего: выезд из Лема перекрыли всем, невзирая на чины и звания, а первые заболевшие хоть и появились лишь сегодняшней ночью, но число умерших от непонятной заразы уже перевалило за две сотни. Люди покрывались язвами и сгнивали заживо в считанные часы, и никто даже предположить не мог, что именно послужило причиной этой напасти.

Ну почти никто.

Слишком уж стремительное распространение болезни вызвало у меня нешуточные опасения, а потому я остановил первую попавшуюся телегу с мертвецами, попросту перехватив поводья запряженной в нее коняги.

– Чего еще?! – завопил возница, из-за своей набитой целебными травами маски походивший на какую-то чудную птицу. – Проваливай, а то стражу кликну!

– Остынь! – Я кинул ему серебряную монетку в полмарки и отдернул закрывавшую тела дерюгу. – Пстой пока, спешить-то уже некуда.

– Как некуда? – всплеснул руками возница, деньгу, разумеется, спрятав. – Люди мрут как мухи, а возить кому? Мне!

– И Святые с ними, – поморщился я, разглядывая страшные язвы. Кожа и плоть мертвцов оказались прободаны местами до костей, и ни чумой, ни холерой вызвавшая мор болезнь оказаться не могла. Да и быстро, бесовски быстро все происходит.

– А вы, стал-быть, медик, ваша милость? – оценив мой интерес, спросил возница.

– В каком-то роде.

– И что делать?

– Молиться, – на полном серьезе ответил я и зашагал прочь. – Молиться и верить...

И никак иначе – все тела несли на себе отпечаток потустороннего, и без порождений Бездны дело точно не обошлось. Вот только никогда еще одержимость не проявлялась подобным образом! Да и бесы способны овладевать лишь уже источенными грехом душами.

Нет, мор вызвали намеренно – кто-то в своих неведомых целях усилил заразу скверной. И этот кто-то нечеловечески ловок, раз на него до сих пор не объявили охоту экзорцисты из местной миссии ордена Изгоняющих.

А значит – помоги всем нам Святой Себастьян Косарь!

Задумавшись, я не сразу обратил внимание на идущего навстречу высокого светловолового священника, который слишком уж пристально разглядывал скромного торговца из Марны в моем лице. А когда тот затянул изгоняющий бесов псалом – *«Полный сборник молитв Николая Слепца»*, – спастись бегством стало уже слишком поздно.

Да и куда бежать? Затеряться в толпе нечего и надеяться – ни одной живой души вокруг! Лишь я да этот слишком уж пронизательный святоша! И откуда только его нечистые принесли?!

– Не надо, святой отец! Вы не так все поняли! – собирая в кулак всю свою волю, взмолился я, и тут в меня призрачным молотом врезалась яростная молитва.

Вера священника оказалась сильна. Невыносимая тяжесть обрушилась на плечи и заставила бухнуться на колени, вместо крови по венам потек жидкий огонь, а не дать святому слову развеять заточенных в глубине души отродий Бездны и вовсе получилось ценой невероятных усилий.

– Эх, святой отец... – поднимаясь с колен, страдальчески поморщился я, потом встретился с тяжело отдувавшимся священником взглядом, и ругательства замерли у меня на языке.

Не зря один недоброй памяти экзекутор в свое время сказал, что глаза – это зеркало души. Заколотый в Сарине адепт ордена Пламенной длани был абсолютно прав: глаза и в самом деле могут слишком многое поведать о человеке внимательному наблюдателю.

Особенно если в их бездонных глубинах кружатся обрывки душ загубленных ради власти и личного могущества бесноватых.

Не священник приложил меня молитвой, а брат-экзекутор!

Здесь, в Леме, – экзекутор!

Прибудь он с официальным визитом, об этом бы давно судачил весь город, а значит, полуночник находится в городе на нелегальном положении. И...

...и тут он развернулся и побежал!

Глаза – мать их! – зеркало души, и в меня брат-экзекутор в свою очередь заглянул столь же легко! А заглянув и разглядев легион бесов, немедленно бросился наутек. И немудрено: душа человеческая неспособна выдержать ярость даже двух нечистых, и лишь выродки из вырожденков – Жнецы – могут совладать с подобной напастью. Не они одержимы, но наоборот.

Превозмогая расходящуюся по всему телу ломоту, я распахнул двери запрятанной в самой глубине души темницы, выхватил из свившихся в клубок порождений Бездны первую попавшуюся бесовскую сущность и заставил ее перетечь в руку. Скрипнул зубами из-за разедавшей сознание боли, но все же собрался с силами и, словно веригами, обвинил нечистого жгутами скверны. А затем глубоко вдохнул и метнул исчадие Пустоты вдогонку лжесвященнику.

Будто гарпун.

Да так оно в итоге и вышло – наполненная злобой и отчаянием тварь в один миг пронзила саму суть перепуганного человека, и обратный рывок вместе с бесом выдрал душу беглеца, просто сочившуюся потусторонней силой отправленных экзекутором на костер одержимых.

А вот тело продолжило свой бег – тело не осознало, что оно уже мертво. Никаких ран, никаких увечий – и все же в нем не осталось ни капли жизни. Шагов через двадцать ноги мертвеца подкосились, он рухнул на мостовую и судорожно задергался в изначально обреченной на неудачу попытке спастись.

Не без труда скрутив трофейную силу в безумно колючий клубок, я запрятал скверну под сердце и без всякой спешки направился к подергивавшему ногами экзекутору. Когда подошел, по серой рясе уже растеклось резко вонявшее мочой пятно, но сердце до сих пор колотилось, разгоняя по телу кровь. Осуждающе покачав головой, я ногой спихнул экзекутора в канаву с нечистотами – вот вам и еще одна жертва заразы, – и поспешил прочь.

Табор циркачей, комедиантов и прочих промышлявших уличными представлениями фигляров облюбовал для своей стоянки небольшой пустырь на окраине Лема. Место было выбрано неспроста: одной стороной пустошь примыкала к крепостной стене, другой – терялась в заросшем густым бурьяном овраге, а обитатели соседствовавших с пристанищем бродячих артистов трущоб не торопились кликать стражников, слышав ругань, крики и шум нередких в творческой среде потасовок.

Не обращая внимания на удивленные взгляды, я спокойно прошествовал мимо группы апатично-похмельных трюкачей, подошел к расписанному всякими таинственными знаками фургону и прищелкнул пальцами, привлекая внимание сидевшего на чурбаке широкоплечего коротышки:

– Альб!

– Ну? – Широко известный в цирковых кругах как гениальный метатель ножей и талантливый жонглер парень прекратил доводить до совершенства зажатый в руке клинок, завернул его в кожаный обрезок и уставился на меня. – Чего?

– Зови Гуго и БERTу, – распорядился я и, с трудом задрав обтянутую узкой штаниной ногу, влез в фургон.

Одернул за собой полог, запалил масляный фонарь и с неопишным облегчением скинул на пыльный пол опостылевший за последние дни сюртук. Следом отправились брюки, туфли и сорочка, так что, когда внутрь проскользнула Берта, на мне оставалось лишь исподнее.

– Хотел меня видеть? – с непонятной улыбкой поинтересовалась высокая черноволосая девушка с резкими, но ужасно привлекательными чертами лица. В провокационных разрезах ее длинной юбки бесстыдно мелькали стройные ноги, а завязанная спереди на узел мужская рубашка не столько скрывала, сколько подчеркивала великолепную грудь.

– Ты мне нужна. – Отперев сундук, я взял замотанное в тряпку зеркало, повесил его на специальный крюк и придержал, когда тяжелая рама закачалась, слегка продавив обтягивавший фургон тент.

– Ну наконец-то, Себастьян, ты признал это!

Качнув бедрами, Берта подступила вплотную, прижалась грудью, и я почувствовал, как в меня уперлись ее напрягшиеся... напрягшиеся, хм-мм...

– Хватит! – потребовал я и отвернулся к зеркалу.

Отвечать на заигрывания циркачки было себе дороже. Если прозванные «черными вдовами» пахартские паучихи пожирали самцов исключительно после спаривания, то Берте даже не требовалось доводить дело до физиологической близости. Попавшие в любовные силки мужики совершенно сходили с ума от одного взгляда ее зеленых глазниц.

Ну и к чему мне такие проблемы?

– Но почему? – продолжая свою игру, потребовала ответа Берта. – Не отрицай, я ведь тебе нравлюсь!

– Не имею обыкновения спать с тем, с кем работаю.

– Ну и продолжай не спать с Гуго и Альбом, а для меня сделай исключение.

– Довольно! Живо тащи расческу и ножницы! – Морщась, я вытащил из ноздрей менявшие форму носа распорки, потом языком вытолкнул изо рта на ладонь придававшие лицу одутловатый вид кожаные подушечки и поторопил циркачку: – Быстрее, женщина!

– Как скажешь, о деспотичный ты наш, – вздохнула Берта и наконец оставила меня в покое.

Стиснув зубы, я оторвал приклеенные под глаза мешочки из воска и какой-то вязкой дряни, затем пришла очередь язвочек и гнойничков, а для избавления кожи от нездорового оттенка пришлось воспользоваться смоченной в полынной настойке тряпицей.

– Таким ты мне нравишься гораздо больше, – ехидно улыбнулась Берта и спросила: – Как стричь?

– Покороче, – попросил я и опустил на пододвинутый к зеркалу табурет.

– Твои желания – закон, о повелитель девичьих грез, – проворковала девушка, зашла мне за спину и, не преминув на миг прижаться упругой грудью, занялась стрижкой.

А вскоре пожаловали и остальные циркачи. Альб молча уселся на сундук и обхватил колени своими несуразно длинными руками; Гуго – изящный седовласый франт в отлично скроенном, но уже изрядно поношенном костюме – неодобрительно поцокал языком и прошелся вокруг меня.

– Так понимаю, у нас действительно проблемы... – раздраженно пробормотал подвизавшийся на ниве балаганных фокусов щеголь, давно уже лелеявший несбыточную мечту получить перевод с разъездной работы на какую-нибудь синекуру в столице.

– Не все так плохо, – морщась из-за щекотавших шею обрезков волос, ответил я.

– Правда?

– Да. Все много-много хуже.

– Мор? – сразу догадался Гуго. – Думаешь, это настолько серьезно?

– Именно, – вздохнул я.

– И что в нем такого? Подумаешь, заболел кто-то! – фыркнул Альб, который отвечал в труппе за силовое решение проблем. Наши проблемы имели обыкновение ходить вооруженными до зубов, но коротышка по праву считался мастером поножовщины, и проколов у него на сегодняшний день не случилось ни разу. А вот шевелить мозгами он по обыкновению не любил.

– Слишком быстро зараза распространяется, – передернул плечами Гуго.

– Мор – не простая зараза. – Я поднялся с табурета, стоило Берте закончить стрижку и худо-бедно стряхнуть обрезки волос с моих плеч и спины. – Мор вызван чернокнижником. В мертвых телах присутствовали отголоски скверны.

– Бесов праздник! – охнул седой фокусник. – Сами розысками займемся или в надзорную коллегия сообщим?

– Кто – мне и без надзорной коллегии известно. Неизвестно лишь, как им это удалось проверить, – ответил я и зажмурился, смачивая короткий ежик черных волос остро пахнущей хвоей жидкостью. – В Леме орудуют братья-эксекюторы.

– Чушь! – вскинулся Альб. – Не может такого быть!

– Не буду спорить – чушь, – согласился я. – Но по дороге сюда мне пришлось одного из них упокоить.

– Не верю! – продолжил упорствовать жонглер. Оно и понятно: крайне неразумно обвинять в распространении болезни едва ли не самый могущественный монашеский орден, долгие века сжигавший бесноватых по всей полуночи Святых Земель. И не только там...

– Как будто твое мнение имеет какое-то значение! – презрительно скривилась Берта, принеся мне таз с чуть теплой водой.

– Но зачем эксекюторам понадобилось насыпать на город мор? – задумчиво потер гладко-выбритый подбородок Гуго. – Неужели Норвеим желает сорвать мирные переговоры Драгарна и Стильга? Какой им в этом резон?

– Не знаю, да и неважно это пока, – отмахнулся я, вытирая голову почерневшим из-за оставшейся на нем краски для волос полотенцем. – Берта, попробуй спрашивать людей о высоких светловолосых монахах или священниках с полуночным акцентом. Альб, поговори с местными, не шляется ли поблизости кто-нибудь подозрительный. Идите!

– Так понимаю, для меня ты приберег самое неприятное задание? – вздохнул Гуго.

– В гостиницу мне возвращаться нельзя. Возьми одежду, подбери подходящий труп с изуродованным лицом и организуй опознание. Серж Маагларь должен умереть. И заberi зеркало из номера – на нем благословение братьев-эксектористов.

Неблагословенное зеркало – врата в Пустоту. Ты смотришь на свое отражение, а оттуда на тебя смотрит Бездна. Для обычного человека пустяк, для меня – хуже не придумаешь. *«Зеркала как греховные очи Бездны».*

– А переговоры?

– Его сиятельство уже заглотнул наживку, с остальным справится мастер Нарль.

Кавалер Альгре сам накинул петлю себе на шею, и, когда со временем из Марны по армейским закупкам начнутся поставки некачественных товаров, отказаться от якобы столь выгодного сотрудничества он уже не сможет. А значит, будет на коротком поводке.

– Слава Святым! – с облегчением перевел дух Гуго. – Слава Стильгу!

– Поторопись.

Фокусник выбрался из фургона; я непроизвольно прикоснулся кончиками пальцев к раме зеркала, уловил присутствие оставленного эксектористом благословения и глянул на свое отражение.

Ну, здравствуй, Себастьян Март, мелкий чин Тайной службы Стильга.

Неплохо выглядишь. Поправился разве только, и...

...и тут мне в грудь вонзился проткнувший тент длинный узкий клинок! Гибкая полоска холодной стали, скользнув меж ребер, пробила сердце и согнулась, а в следующий миг ее одним рывком выдернули обратно.

Какое-то мгновение я стоял, пытаюсь остановить хлеставшую из раны кровь, а потом со всех сторон навалилась темнота, колени подогнулись, и голова совершенно деревянно стукнулась о доски настила.

Ну да – я умер. Окончательно и вроде как даже бесповоротно.

3

Умер – и оказался посреди заполненной серостью беспредельной Пустоты. Я ничего не видел, не слышал и не ощущал – и вместе с тем доподлинно знал, что вырвавшиеся на свободу бесы, подобно скрытым водной гладью акулам, начинают нарезать круги вокруг моей беззащитной души.

Стремительный рывок – и самое шустрое из порождений Бездны вцепилось в столь желанную добычу, но лишь затем, чтобы немедленно сгореть в объявшем его святом огне. Остальные бесы, спасаясь от неминуемой гибели, сами забились в наиболее глухие закутки моей души, а исцеленное сердце вновь начало разгонять по жилам кровь.

Какое-то время я беззвучно глотал воздух открытым ртом, после попытался подняться, но руки тут же подогнулись, и лицо уткнулось в лужу натекшей на пол крови. Пару минут полежал так, потом перевалился на спину и осторожно прикоснулся к зарубцевавшемуся шраму под левым соском.

Лихо меня. Нет, действительно лихо.

И сам бы лучше не исполнил.

Остается только вопрос: кто? Альб или Берта?

На чужих грешить не стоит: никто не знал о моей привычке касаться зеркала, прежде чем в него посмотреть. И где именно зеркало висит – тоже.

А так – дернулся тент, и лети, душа, в Свет.

Ну ничего, разберусь. Только Гуго дождусь для начала – он-то при всем желании обежать фургон и столь ювелирно пырнуть меня клинком никак не успевал.

Выжженные на руке святые письмена, которые и развеяли самого шустрого беса, заодно исцелив рану крупными его скверны, ныли просто невыносимо, долетавший до пустыря колокольный звон колол похуже вражеского копья, и меня вновь начало мутить.

Чтобы хоть как-то отвлечься, я зачерпнул из таза мыльной воды и оттер с торса и лица только-только подсохшую кровь. Потом, достав из сундука короткие широкие штаны, синюю рубаху и расшитую затейливыми узорами кожаную жилетку, оделся и с кряхтением натянул на ноги тяжелые пехотные ботинки с железными набойками на носках. Перевел дух, прикрыл короткий ежик рыжих волос куцей кепчонкой и с залитой свинцом дубовой дубинкой в руках уселся на табурет.

Подождем. Подождем – да.

Первым, на мое счастье, явился Гуго. Насвистывая мотивчик из популярной в этом сезоне оперы Антонио Лири, фокусник забрался в фургон и с изумлением уставился на залитый кровью пол.

– Себастьян, ты кого-то убил? – заозирался он по сторонам. – А где тело? В сундуке?

– Нет, – скривился я и перевернул таз. Окрасившаяся в розовый цвет вода утекла сквозь щели, и кровавое пятно перестало бросаться в глаза. – Скорее это меня убили. И вполне успешно, только не до конца.

– Ты в порядке? – всполошился фокусник.

– Теперь – да.

– Кто это был?

– Не знаю, – покачал я головой и указал на неприметную прореху в тенте. – Ударили с улицы.

– Но почему именно сейчас? – наморщил лоб Гуго и вдруг охнул: – Кто-то из нас работает на Норвейм?

– Ничего другого мне на ум не приходит.

– Альб или Берта? Или меня ты тоже подозреваешь?

– Ты бы не успел фургон обежать.

– Хоть в чем-то повезло.

– И не говори. Остается только выяснить, кто именно скурвился.

– Где ты стоял? – спросил Гуго и потянул меня к зеркалу. – Только встань на то самое место! Это важно!

Выполнять распоряжение не хотелось просто жутко – теперь никакая молитва не спасет! – но я пересилил себя и подошел к зеркалу. Подспудно ожидая повторения смертельного удара, протянул руку к деревянной рамке, сдвинулся немного в сторону и кивнул:

– Здесь.

– Куда был нанесен удар?

Я нехотя задрал рубаху и показал белую отметину шрама с левой стороны груди.

– О, Святые! – воскликнул пораженный фокусник. – Точно в сердце!

– Хотелось бы выразить восхищение такой точностью лично...

– Так, били снизу вверх и немного наискось, с правой руки, – задумался Гуго и поспешил к закрывавшему вход пологу. – Подожди!

Чувствуя давящую на плечи усталость, я присел на табурет и похлопал увесистой дубинкой по ладони. А ведь так замечательно день начинался! Так замечательно...

Вернувшийся в фургон Гуго с отсутствующим видом уселся на сундук и печально вздохнул:

– Я бы предпочел, чтобы предателем оказалась эта стерва...

– Альб?

– Он.

– Откуда такая уверенность?

– К борту придвинут бочонок. Крышка протерта.

– Неудивительно, – фыркнул я. – Даже Берте не дотянуться с земли.

– Она высокая, ей несподручно бить с бочонка снизу вверх, – пояснил фокусник. – При ее росте удар вышел бы скорее горизонтальным. И знаешь, она бы непременно зашла оценить результат. А вот Альб в этом отношении излишне самоуверен. Вечно его контролировать приходится.

– Зови выродка. – Поднявшись с табурета, я спрятался за вешалку со сценическими нарядами и предложил: – Скажи, что обнаружил мое тело, все осмотрел и нужна его помощь.

– Сделаю, – вздохнул Гуго и, задув фонарь, выбрался наружу.

Вскоре послышались голоса, потом полог дрогнул, и внутрь проскользнула невысокая, коренастая фигура жонглера. Непривычный к темноте Альб на какой-то миг замешкался, не веря собственным глазам – где труп?! – и подарил мне великолепную возможность примериться и садануть его дубинкой, не опасаясь из-за спешки перестараться и проломить череп.

Парень рухнул как подкошенный; немедленно подскочивший к жонглеру Гуго кандалами из реквизита приковал его правое запястье к левой лодыжке, а потом мы повыкидывали из сундука пыльное барахло и сгрузили туда предателя, предварительно отыскав все запрятанные в его одежде ножи.

– Что дальше? – тяжело отдуваясь, спросил фокусник. – Сообщим Изгоняющим?

– Нет, этот сучонок сейчас запоет.

– Сомневаюсь. А потрошить его здесь нельзя.

– Уж поверь, он нам сам все расскажет. – И я парой хлестких пощечин привел Альба в чувство. – Ведь расскажешь?

– Гори в Бездне! – заорал жонглер и тут же захрипел из-за слегка сдавивших шею пальцев. – Отпусти...

– Посмотри мне в глаза, – потребовал я, но парень крепко зажмурился и, насколько позволяли стенки, попытался отвернуться. – Гуго, запястье.

Фокусник потянул на себя левую руку жонглера, и со всего маху захлопнувшаяся крышка перебила предплечье с явственно прозвучавшим хрустом. А вот последовавший за ним вопль оказался каким-то очень уж приглушенным и вряд ли привлек внимание ко всякому привычным циркачей. Спокойно открыв сундук, я ухватил корчившегося Альба за волосы и уставился ему в глаза. Тот попытался отвести взгляд, но не смог.

Теперь его сознание разрывала боль, куда более пронзительная, чем от перебитой кости. Заточенные во мне бесы силились вырваться на волю, и жалкая душонка предателя казалась им сейчас самым восхитительным прибежищем для своих измученных сущностей. Они упоенно рвали и тягали ее, а потом я мотнул головой, заставляя нечистых успокоиться, и потребовал:

– Говори!

– Эзекюторы в доходном доме в переулке Виноградарей! – прорыдал совершенно убитый касанием потустороннего Альб. – В мансарде!

– Сколько их?

– Четверо. Всего их было четверо!

Я захлопнул крышку и повернулся к Гуго:

– Не задохнется он там?

– Нет, специально дырки просверлены, – успокоил меня фокусник и поежился. – Страшный вы человек, господин Март.

– Да уж не без этого, – поморщился я из-за столь сомнительного комплимента. – Гони сюда Бертю, надо навестить господ эзекюторов.

– Одни пойдем?

– Да. Беги.

Сам я нашел в куче сваленного у заднего борта барахла потертый кожаный саквояж, вынул из него сверток провощенной бумаги и, откинув крышку сундука, осторожно сыпанул в перекошенное от боли и страха лицо жонглера щепоть перемолотых в труху трав. Альб чихнул, потом глаза у него закатились, и он провалился в забытие.

Вот и замечательно.

Отложив сверток, я навесил на сундук массивный замок, и тут в фургон забралась Берта.

– Что-то случилось? – встревоженно поинтересовалась она. – Гуго ничего толком не объяснил!

– Переоденься во что-нибудь поприличней, – попросил я. – Появилась работа по твоему профилю.

– Пойдем вдвоем? – Развязав узел рубахи, девушка стянула ее и кинула на вешалку, потом позволила соскользнуть с бедер юбке и без капли смущения осталась в чем мать родила.

– Нет, Гуго с нами.

– А где Альб?

– Он не сможет присоединиться, – демонстративно отвернувшись от белевшей в темноте женской фигуры, ответил я. Из-за пережитого накатила нервная дрожь, нестерпимо захотелось завалить в койку первую попавшуюся красотку, и вид обнаженной циркачки вызвал прилив крови туда, куда ей приливать сейчас совершенно не стоило.

Фыркнувшая Берта влезла в обтягивавшее тело подобно второй коже черное трико и, ради соблюдения приличий, накинула сверху просторный балахон, от которого при необходимости могла избавиться чуть ли не одним движением руки. Легкие сапожки на тонкой подошве, кожаные перчатки и стянувшая волосы косынка тоже нареканий не вызывали, и если на девушку и будут оборачиваться на улице, то лишь из-за ее врожденной грации и красоты.

– Понадобится оружие? – уточнила Берта, заметив, как я убрал в котомку залитую свинцом дубинку, пару ножей и шило – трехгранный клинок закаленной стали в две трети локтя длиной.

– У меня для тебя кое-что другое припасено. – И я отдал ей сверток. – Надо будет высыпать в дымоход.

– Легко.

– Только сама не надышись.

– Да уж не первый раз замужем...

4

Найти доходный дом в переулке Виноградарей проблем не составило. Хотя спросить дорогу и оказалось совершенно не у кого – Лем будто вымер, и навстречу попадались лишь забытые трупами телеги с мрачными и неразговорчивыми возницами. И если в приличных районах многие горожане толпились у моленных домов, то на окраине не было и этого. Обитатели трущоб либо гниющими телами валялись в канавах, либо заливали страх дешевым пойлом. А те, кому решимости не хватило даже на визит в ближайший кабаk, отсиживались за запертыми дверями в надежде, что беда пройдет стороной.

– Дети почти не болеют, – сообщил мне Гуго и посильнее натянул на голову обтрепанную шляпу с позолоченной пряжкой на тулье. – Зато отребье с городского дна через одного слегло. Многие даже поговаривать начали, что это кара за грехи людские.

– Чушь, – фыркнул я. – Приятней всего каяться в чужих грехах.

– Поверить не могу, что это экзекуторы натворили, – поежилась притихшая Берта.

– Разберемся, – пообещал я, поднимаясь на крыльцо доходного дома.

И хоть гости с полуночи, не желая привлекать внимания местных стражей порядка, выбрали один из тех гадюшников, где никто никогда ничего не знает, не видит и не помнит, пара зуботычин и несколько серебряных марок мигом исправили эту ситуацию.

– Они в мансарде, окна на улицу выходят, – облизнув рассаженную о чью-то слишком угловатую скулу костяшку, сообщил Гуго девушке. – Пойдем, покажу нужную трубу. – И уже мне: – Себастьян, только не геройствуй в одиночку.

– Само собой.

За Берту я несколько не волновался. Выросшая в семье акробатов девушка хоть и не подходила фактурой для полетов под куполом цирка, но взбиралась по отвесным стенам и сновала по крышам на удивление ловко.

Поднявшись по скрипучей лестнице на третий этаж, я у нужной двери замедлил шаг, уловил запах благовоний и поспешил по коридору дальше. Не стоит торопиться – все надо проверить без сучка без задоринки. Трое экзекуторов – это серьезно. У меня и с одним лишь благодаря нешуточному везению так легко справиться получилось.

Присев на корточки в темном углу, я дождался запыхавшегося Гуго и вытащил из котомки нож с узким, слегка изогнутым клинком.

– Готово?

– Да. Вьюшка открыта была, дым шел.

– Тогда пошли.

– Не подействует на нас твое зелье?

– Маску надень.

Я замотал лицо сложенной вдвое полосой черной материи, просунул в щель клинок и без труда приподнял щеколду. Осторожно открыл дверь и проскользнул в комнату. А там – замер, едва переступив порог.

– Вот ведь! – прошептал у меня за спиной Гуго.

Я затащил его в номер и поспешил запереть дверь.

Действительно – «вот ведь»! Таково уж было наше везение, что экзекуторов мы застали в самом разгаре смены личин. Двое светловолосых парней наряжались в униформу «серых сюртуков» – служащих дворцовой охраны Стилга, – а на кровати рядом с чернявым задохликом лежал полный кожаный наряд брата-экзорциста, ему, без всякого сомнения, великоватый.

– Не похож этот на уроженца Норвейма! – засомневался Гуго, указав на темноволосого парня.

– Они в Руге через одного такие.

Я проверил всех троих и с облегчением перевел дух – спят. И проснутся никак не раньше чем через десять – двенадцать часов.

– Ты только посмотри! – разволновался фокусник, схватив со стола исписанные убористым почерком бумаги. – Это план резиденции генерал-губернатора, расписание смены караулов и пароли на эту декаду!

– И никаких следов чернокнижника, – с отрешенным видом огляделся я по сторонам.

Совершенно никаких. Комната как комната. Ни тебе нарисованных кровью пентаклей, ни человеческих жертвоприношений. И все трое экзекуторов здесь.

Ничего не понимаю.

– Их осведомитель должен иметь доступ к секретной информации! – изучив записи, заявил Гуго и уставился на меня. – Но если они планировали обычное убийство, зачем переполошили всех этим мором?

– Не знаю. Возможно, мор не их рук дело, – нахмурился я и взвесил в руке найденный среди бумаг жетон служащего дворцовой охраны. – Настоящий!

– Не может быть!

– Точно тебе говорю. И, раз экзекутор крутился неподалеку от ратуши, зуб даю, их агент кто-то из «серых сюртуков», дежуривших там сегодня. Или... или кто-то из свиты герцога Гастре.

– Что будем делать? – спросил Гуго, пряча записи в потайной карман камзола.

– Вязать будем. Что еще?

И мы начали вязать. «Ласточкой». Так, чтобы малейшая попытка освободиться приводила к затягиванию петли на шее. Только бы спросонья теперь не удавились. Ну да это уже не наши заботы.

Наскоро покидав брэнчавшее серебряными колокольцами одеяние экзорциста в обнаруженный под кроватью баул, я дождался, когда Гуго выпотрошит найденные в комнате кошель, и набросил шнурок на щеколду. Выпустил фокусника в коридор и, удерживая запор в поднятом состоянии, ступил следом.

– Идем! – поторопил меня Гуго.

– Сейчас! – Выдернув шнурок, я убедился, что освобожденная щеколда упала и заперла дверь, и поспешил за подручным. – Ходу!

На улице к нам присоединилась успевшая спуститься с крыши и накинуть поверх трико балахон Берта, и я начал отдавать распоряжения:

– Гуго, найди связного в миссии Изгоняющих, пусть заберут наших гостей с полуночи. Берта, возвращайся в фургон и не спускай глаз с Альба.

– А что с ним не так?

– Он в сундуке, – усмехнулся фокусник. – Работал на этих гадов.

– Никогда мне эта обезьяна не нравилась, – презрительно поморщилась девушка.

– Позже попробуем его разговорить.

– А сам ты куда? – забеспокоился Гуго.

– Надо предупредить охранку.

– Не боишься нарваться на предателя?

– Нет.

Я махнул своим подельникам и поспешил убраться с улицы в темный переулок. Надежный контакт среди «серых сюртуков» у меня имелся, а одеяние брата-экзорциста даст возможность пообщаться с нужным человеком, не привлекая излишнего внимания к своей скромной персоне. Так что в этом отношении проблем не предвиделось ни малейших...

Вот только проблемы нашли меня сами. Неожиданно из какого-то закутка навстречу вынырнули две плечистые фигуры, и, поскольку на обычных уличных грабителей мрачные бугаи нисколько не походили, я со всей силы шибанул плечом ближайшую дверь, легко выло-

мал хлипкий засов и со всех ног бросился бежать по коридору. Не встретив ни единого человека, промчался через кухню, выскочил в пустой зал таверны и выругался, заметив двух мордovorотов, подпиравших входную дверь.

– В своей непредсказуемости, господин Март, вы становитесь ужасно предсказуемым, – спокойно произнес сидевший за угловым столом худощавый мужчина, чье лицо скрывала накиннутая на лоб широкополая шляпа. – Парадокс.

Кроме зубоскала и его подручных, больше в таверне никого не оказалось, но и пятеро на одного – не самый удачный расклад. К тому же неугодного человека гораздо проще зарезать в подворотне, чем устраивать из этого целое представление.

И поэтому я спокойно прошествовал к угловому столу, бросил баул под ноги и уселся напротив таинственного незнакомца, в голосе которого слышался слабый намек на акцент, свойственный выходцам из континентальной части Ланса.

– В самом деле?

– Как видите. – Мой собеседник снял шляпу и оказался представительной внешности господином средних лет, с острым прямым носом, аккуратно подстриженной бородкой и пронзительными глазами опытного шпика. Слишком пронзительными даже для опытного шпика. – У меня есть к вам вопрос.

– С чего мне отвечать на вопросы «рыбьей крови»? – припомнил я презрительное прозвище уроженцев континентальных провинций Ланса.

– Справедливо. – В ответ на оскорбление на лице франта не дрогнул ни один мускул, он лишь дотронулся до рубиновой серьги в левом ухе и скривил в улыбке тонкие бескровные губы. – Поэтому предлагаю сделку: вы отвечаете на мой вопрос, а я помогу остановить мор.

– Не думаю, что мне понадобится ваша помощь.

– Норвейские выродки собирались устранить канцлера Драгарна, и только. К мору они непричастны.

– Зачем им эта смерть?

– Канцлер выступает за совместный с Лансом раздел государств Пакта, а Норвейму, напротив, выгодна эскалация конфликта.

– Хотят под шумок отвоевать Руг?

– Именно, – кивнул ланский шпик. – Но речь сейчас не о том. Важно то, что в Драгарне хватает горячих голов, ратующих за продолжение военных действий и полный захват всей территории Пакта. Именно они и приказали ликвидировать канцлера, не считаясь с сопутствующими жертвами.

– Даже с такими?

– Слишком высоки ставки. Главное для них – избежать малейших подозрений в причастности к произошедшему. Что же касается смерти... Гибель канцлера развяжет армейским сорвиголовам руки, а остальное для них значения не имеет. Наоборот, меньше вопросов возникнет. Это как прятать сорванный лист в лесу. Очень умно, вы не находите?

– И чего вы хотите?

– Ответьте на один вопрос и узнаете, где можно найти исполнителей.

– Предпочитаете решать проблемы чужими руками?

– Не без этого.

– Спрашивайте.

– Нам известно, что вы были там, где были, и сделали то, что сделали. – Мой собеседник выложил на стол сверток, развернул его и продемонстрировал изогнутый нож с обугленным лезвием-когтем. – И кто вас сопровождал, нам тоже известно. Но мы не знаем, – шпик стрельнул взглядом в сторону стоявших у входа мордovorотов и понизил голос, – куда потом делся некий Ричард Йорк...

Я задумчиво повертел в руках клинок, надавил, и тот с тихим хрустом обломился у самой рукояти. Желая выиграть время, вытер ладонь о штанину и лишь тогда спросил:

– Зачем вам это?

Зачем? Да нет, зачем – понятно. Интерес пославших франта людей вызван родословной пропавшего рыцаря. Вероятно, кто-то прознал о том, что официально считавшийся умершим в детстве первенец ланского монарха Эдварда Первого последние годы жил, скрываясь под личиной капитана гвардии Довласа.

Вопрос, что с этим знанием собираются делать. С какой целью кто-то решил разворошить прошлое?

– Одни хотят его возвысить, – пожал плечами шпик, – другие, наоборот, опасаются его возвышения. Внутренняя политика, ничего интересного.

– И те, и другие могут отправляться в Бездну.

– Зря вы так, господин Март!

– Это ответ на ваш вопрос, – оборвал я собеседника. – И другого ответа у меня не будет.

– Хотите сказать...

– Он ушел туда сам и за шиворот утащил с собой вашего драгоценного Жнеца.

В семь лет Ричард Йорк умер, но остался жить из-за темных чар и любви к великой герцогине Довласа. И когда его госпожу убили заговорщики, рыцарь без колебаний пожертвовал собой, дабы спасти нас всех. Спасти нас всех – и отомстить.

– Ясно. – Шпик без спешки поднялся из-за стола и водрузил на голову шляпу. – Вам нужна заброшенная часовня у закатного моста.

– Благодарствую. – Мне не удалось удержаться от смешка.

Задумчивый господин прошел к входной двери, там развернулся и вновь потербил сергу.

– Не советую в будущем посещать мою родину. Четвертование – не та вещь, которая придется вам по вкусу, – заявил он на прощанье и вышел на улицу.

– И в мыслях не было, – мрачно буркнул я.

Четвертование! Ну надо же! А ведь услугу им оказал! Не устрани мы духовного лидера ереси Единения, пришлось бы Ланс огнем и мечом в лоно Церкви возвращать. А они – четвертование!

Рыбья кровь!

5

К заброшенной часоленке я подошел, уже облачившись в кожаное одеяние брата-экзорциста. Звон серебряных колокольчиков на плаще и шляпе неминуемо должен был заранее предупредить злоумышленников о моем приближении, но на это и делался расчет.

Ждете Изгоняющего? Будет вам Изгоняющий. Все будет...

Наверное, только из-за одеяния меня и не подстрелили на подходе. А стоило войти в заброшенное здание, как тут же послышался глумливый голос:

– Посмотрите только, кто к нам пожаловал!

Подкидывавший и ловивший кинжал живчик в коричневом камзоле, бриджах и высоких сапогах радостно заулыбался при моем появлении, а вот прятавшийся за балюстрадой на втором этаже арбалетчик остался предельно собранным и серьезным.

– Здесь творятся дурные дела, – туманно ответил я, во все глаза уставившись на высокое, чуть ли не в рост человека зеркало у дальней стены, перед которым горело несколько толстенных, заплывших причудливыми наростами воска черных свечей. Оттуда веяло чем-то до боли знакомым, вот только никак не получалось разобрать чем. – Чувствую присутствие Бездны!

– Да неужели? – Из соседнего помещения вышел смуглый горбоносый мужчина в просторном одеянии, с непонятной склянкой в руке. – Тогда ваш долг – выжечь скверну огнем своей веры!

Я наполнил легкие воздухом, собираясь на одном дыхании проговорить подходящую к случаю молитву, и вдруг понял, что потустороннее не в людях. Скверна окутывала их, делала сильнее, быстрее и решительнее, но не гнездилась в душах. Она была, и в то же самое время ее не было.

– Ну что же вы, святой отец? – рассмеялся главарь и провел свободной рукой по странному ожерелью, собранному чуть ли не из человеческих костяшек и зубов. – Жгите!

– Как вы делаете это? – спросил я, больше рассчитывая потянуть время, чем получить какой-то конкретный ответ.

– Бесноватые, господин экзорцист, это все бесноватые. При правильном обращении они чрезвычайно полезны, – заявил чернокнижник – а чернокнижник ли? – и поднял руку с заполненной прозрачным раствором бутылочкой, в которой плавало самое настоящее человеческое око. – Вот этот глаз, к примеру, принадлежит спутавшемуся с порождениями Бездны гениальному живописцу. Прямо сейчас он рисует ваш портрет, поэтому проявите уважение – покажите лицо. И заодно извольте объяснить, как вам удалось отыскать это место!

– Разве потеря глаза не должна была сказаться на чувстве перспективы? – Я кинул стянутую с головы шляпу под ноги, а вот снимать полумаску не стал.

Вместо этого, потянувшись к свившейся под сердцем в колючий ледяной клубок скверне, заставил ее растечься по телу и сразу ощутил связь нанизанных на золотую цепочку зубов, обломков костей и кусочков иссушенной плоти с заточенными в Драгарне бесноватыми. По уходившим напрямиком в Бездну нитям потустороннего из брошенных в казематы одержимых беспрестанно выкачивались крупницы силы, которые накапливались в страшном украшении, наделяя при этом его владельца просто поразительными способностями. И что хуже всего – проклятое ожерелье позволяло чернокнижнику не пятнать следами потустороннего собственную душу! И потому выжигающие из людей скверну молитвы сейчас ничем помочь не могли. *«Ритуалы изгнания младших бесов», глава «Слуги Бездны и методы обуздания оных».*

– Этот художник настолько гениален, что рисует свои полотна вслепую. Нам понадобятся оба его глаза, – ответил главарь. – Вашу маску!

Поигрывавший кинжалом хлыщ шагнул ко мне и с неприятной ухмылкой поинтересовался:

– Помочь? Это мы быстро...

– Стой! – крикнул почувший вдруг неладное главарь, и я резким прыжком сорвался с места.

Потусторонняя сила будто подтолкнула в спину, позади впустую кляцнул по камням арбалетный болт, а мгновение спустя выхваченный из широкого рукава плаща нож вонзился меж ребер только начавшего замахиваться кинжалом торопыги.

Изо рта смертельно раненного человека вырвался сдавленный сип, и я отшвырнул обмякшее тело под ноги чернокнижнику. Без толку – тот легко перемахнул через подельника и в прыжке выбросил вперед крепко сжатый кулак. Униженные костяными перстнями пальцы обожгли ледяным касанием скверны, и, хоть кожаное одеяние уберегло от грозившего поработить волю заклинания, неожиданный удар все же опрокинул меня на пол.

Даже не пытаясь подняться на ноги, я перекатился в сторону, и подхвативший второй арбалет стрелок вновь допустил промах. А вот чернокнижник в один миг оказался рядом и навалился сверху. Но поздно – кончики моих пальцев уже скользнули по холодной глади зеркала.

Бездна невидимым тараном вломила в сознание, заточенные в душе бесы рванули навстречу родной стихии, стремясь перехватить контроль над телом, и в голове немедленно зазвучали чьи-то призрачные голоса.

«Расслабься, успокойся, и все будет хорошо. Только расслабься и дай нам помочь тебе! Мы подарим могущество, о котором ты и не мечтал! Сокрушим всех врагов, наделим властью...»

Крутившаяся в голове молитва пламенной волной смыла наваждение, а потом провалившаяся в зазеркалье рука стиснула нити скверны, тянувшиеся от ожерелья чернокнижника в Бездну, и заставила – пусть и на один лишь краткий миг! – полыхнуть их огнем моей веры.

Навалившийся сзади главарь неожиданно всхлипнул, его пальцы судорожно сжались и, царапнув ногтями скулу, сорвали у меня с лица полумаску. Рывком за ворот хламиды я стащил с себя чернокнижника, упершись левым предплечьем в гортань, прижал его к полу и всадил в живот вытасченное из-под плаща шило. И сразу, даже не выдернув из раны трехгранный клинок, откатился в сторону.

Вовремя! Едва не зацепивший бедро болт прошил полу плаща и с лязгом срикошетил от каменной кладки!

Вскочив на ноги, я под предательский звон колокольчиков метнулся в соседнее помещение и, на ходу стягивая кожаное одеяние, спрятался за угол. А когда слышал топот сбежавшего со второго этажа арбалетчика, зашвырнул скомканный плащ в темень уходившей куда-то вниз лестницы. Серебро весело звякнуло о каменные ступени уже в подвале, и уловивший далекий перезвон стрелок смело ворвался в дверь.

И в тот же миг растянулся на полу, споткнувшись о выставленную ногу! Ни встать, ни дотянуться до отлетевшего при падении оружия он уже не сумел – с силой опустившийся на висок каблук ботинка заставил его череп треснуть, будто гнилой орех.

Удостоверившись в смерти несчастного ублюдка, я вернулся к скорчившемуся у злополучного зеркала чернокнижнику и, пихнув в грудь подошвой, опрокинул его на спину. Спокойно выдернул загнанное в живот шило и, подавшись вперед, уверенным движением воткнул клинок в глазницу. Ощутил, как пронзившее мозг острие скользнуло по затылочной кости, и только тогда извлек оружие из уже мертвого тела.

Вот так! Никаких раненых, никаких пленных. Мне и одного смертного приговора с лихвой хватит. Так и так не дали бы делу ход – нам на текущем этапе мир с Драгарном как воздух необходим.

Тут, потирая располосованное ногтями лицо, я заметил валявшуюся на полу бутылочку с вперившимся в меня глазом слепого художника и в сердцах пнул сорванную в пылу борьбы полумаску. Вот ведь незадача!

С тяжелым вздохом поднял стекляшку и, легонько потряхивая ее, отправился в подвал, откуда явственно тянуло отголосками скверны. Осторожно спустился по осклизлым ступеням, сошел с лестницы и невольно подался обратно, разглядев в тусклом свете стоявшего на каменной плите фонаря распятого на засыпном земляном полу человека. Точнее – существо, человеком некогда бывшее.

В полумраке изъеденная глубокими язвами и кишевшая червями плоть показалась просто омерзительной, от резкой вони заслезились глаза и начал подкатывать к горлу комок тошноты. А потом я с ужасом осознал, что несчастный до сих пор находится на грани жизни и смерти. Пойманный в ловушку проклятой души бес не давал телу умереть, и благодаря этому чары, наложенные на пронзившие руки и ноги костяные костыли, продолжали и продолжали отравлять горожан.

Вот он – источник мора.

Я поставил бутылочку с глазным яблоком к фонарю и, проведя носком ботинка по земляному полу одну непрерывную черту, заключил в круг и себя, и бесноватого. Вполголоса прочитал короткую молитву, заставившую в судорогах забиться одержимого порождением Бездны человека, потом собрался с решимостью и как-то очень уж легко вырвал нечистого из отравленной отчаянием жертвы.

Стиснул своей волей пытавшуюся вырваться на свободу тварь и подивился, какую прорву силы несла в себе потусторонняя сущность. Это отродье не чета бледным теням бывлых повелителей Пустоты, заключенным в моей душе!

Ключ к подлинному могуществу – вот что это такое! И ведь всего-то лишь надо присокупить беса к остальным нечистым! Просто выпить переполнявшую его скверну, просто...

Я мечтательно улыбнулся, потом поднял бутылочку с плававшим в растворе оком и, подмигнув ему, зашвырнул нечистого – прощай, искуситель! – по уходящей в Бездну нити скверны. Глазное яблоко вздрогнуло и бесформенным комком слизи осело на дно стекляшки, стоило двум сошедшимся в схватке бесам в ключья разорвать своей яростью душу слепого живописца.

Личное могущество – это хорошо, но иногда надо что-то и для других делать.

Например, прервать мучения бесноватого художника, по случайному стечению обстоятельств занятого сейчас написанием моего портрета.

Зачем, ну зачем кому-то в Тайной службе Драгарна лицезреть мою физиономию?

Ни к чему это. Я не тщеславный, мне еще пожить охота.

Работа такая, ничего не попишешь.

*С моих слов записано верно,
Себастьян Март*

Материалы королевского трибунала по обвинению Себастьяна Марта в предательстве интересов Короны

Докладная записка

Себастьян Март, граф Сольгрев, кавалер орденов Святого Мартина второй степени и марнийского «Серебряного орла».

Родился в семье преуспевающего сапожника в Акрае в 948 году от Великого Собора. В семнадцать лет за убийство приговорен городским судом к десяти годам каторжных работ, вместо отбывания наказания завербовался в армию. Участвовал в войне с Драгарном (964–966 годов В. С.), за Лемскую битву пожалован памятный знак.

В 966 году В. С. принят в королевскую Тайную службу, зарекомендовал себя хорошо и вскоре был назначен командиром разъездной группы. В 971 году В. С., выполняя задание на территории Марны, подвергся воздействию потусторонней сущности, в силу чего приобрел способности заточать в своей душе бесов и скверну.

В течение следующего года выполнял обязанности консультанта при надзорной коллегии, впоследствии принял участие в экспедиции на остров Дивный, в результате которой были найдены так называемые «проклятые» наконечники.

За оборону Магрева по личной инициативе короля Марны Альберта Третьего награжден орденом «Серебряного орла». Кроме того, оперативная группа под руководством обвиняемого уничтожила четырех Высших, а также устранила духовного предводителя еретиков, что в немалой степени способствовало скорейшему заключению мирного договора и возвращению Ланса в лоно истинной веры.

После окончания боевых действий вышеуказанная группа ликвидировала заговор, целью которого была узурпация трона Довласа. Ставший возможным в результате этих действий брак Рауля Доминика Мора, графа Луринги, и великой герцогини Анны Кайраони-Грешлиан привел к существенному усилению влияния Стильга в данном регионе.

В рамках трибунала рассматриваются действия обвиняемого, совершенные им на государственной службе в период с 974 по 976 год от В. С.

Выдержка из протокола допроса

Обвинитель. – Признаете ли вы себя виновным в предъявленном обвинении?

Подсудимый. – Нет.

Обвинитель. – Признаете ли факт сотрудничества с разведкой Ланса?

Подсудимый. – Нет.

Обвинитель. – Однако, находясь в Леме, вы приняли помощь от агента иностранной разведки.

Подсудимый. – На тот момент я не располагал достоверной информацией о личности осведомителя.

Защитник. – Получается, это не вы инициировали сотрудничество с разведкой Ланса, а они, руководствуясь собственными интересами, на безвозмездной основе передали вам сведения?

Подсудимый. – Так и было.

Обвинитель. – Вам не показалось это подозрительным?

Подсудимый. – Показалось.

Обвинитель. – И, несмотря на это, вы воспользовались этой информацией?

Подсудимый. – Ситуация требовала принятия неотложных действий, и в ходе расследования полученные сведения полностью подтвердились.

Обвинитель. – Почему вы не потрудились захватить чернокнижника живым?

Подсудимый. – Это было неоправданно рискованно. Я не мог одновременно следить за пленным и устранять причину распространения заразы.

Обвинитель. – Предлагаю считать заявление обвиняемого о предотвращении им покушения на участников мирной конференции, проходившей в 974 году В. С. в Леме, бездоказательным. А учитывая факт сотрудничества с агентом тайной службы Ланса и хладнокровное убийство духовного лица, предлагаю приговорить Себастьяна Марта к казни через повешение.

Защитник. – Считаю обязанным напомнить, что обвиняемым была вскрыта разведывательная ячейка Святого сыска Норвейма, а вышеуказанное духовное лицо осуществляло на территории Стильга деятельность, не совместимую с монашеским статусом.

Особое мнение представителя ордена Изгоняющих. – Убийство обвиняемым брата-эзекутора относится исключительно к юрисдикции Церкви и не может быть рассмотрено в рамках настоящего процесса.

Председатель. – Заседание будет продолжено.

Допрос второй Очаг скверны

*Месяц Святого Артура Странника
год 975 от Великого Собора*

1

Большую часть жизни разъездной сотрудник Тайной службы проводит в дороге. Приходится, конечно, менять личины, вынюхивать, выпытывать, резать глотки, в конце концов, но в промежутках меж этими сколь увлекательными, столь и неприятными занятиями ты попросту тащишься из одной забытой Святыми дыры в другую.

И хорошо, если путешествовать удастся в скрипучей почтовой карете. Зачастую выпадает месить сапогами грязь или глотать пыль, попутно проклиная ливень, студёный ветер, нещадную жару и прочие погодные катаклизмы.

Была бы дорога – а что проклинать, найдется.

Но, даже когда удастся странствовать с комфортом – например, удобно развалившись на мягком сиденье в экипаже с отличными рессорами, – расслабляться не стоит. Пусть тяготы пути и отступают на второй план, от попутчика в этом случае можно ждать куда больших неприятностей, нежели от ватаги лихих людишек, вознамерившихся всего-навсего обчистить кошель или позаимствовать почти новый плащ.

Расслабляться не стоило – да. Но отказаться от бокала «Вельмского пламени» я просто-напросто не смог. Не все же дешевой бурдой в придорожных тавернах накачиваться. К тому же Малькольм Паре терпеть не мог пить в одиночестве, а портить настроение главе королевской Тайной службы Стильга с моей стороны было бы весьма неосмотрительно.

Да и букет, букет просто восхитительный! И это чудесное... как там его... А! Послевкусие! Недурственное вино, в общем.

– Примите мои поздравления, господин Март! Ваши зимние гастроли, – это слово Малькольм Паре произнес без всякой иронии, – были по достоинству оценены на самом высоком уровне. А за операцию в Леме его светлость лично передавал свою благодарность.

– Премного польщен, – ухмыльнулся я и отпил вина.

– Перестань, Себастьян, – досадливо поморщился развалившийся напротив меня глава Тайной службы, – расположение иных людей куда важнее очередной красивой висюльки на парадный мундир. Которого, к слову сказать, у тебя нет.

Я изобразил на лице смешанное с пониманием раскаяние и вслух выражать сомнения в долгой памяти канцлера на добрые дела не стал. Можно подумать, у герцога Гастре других дел нет, кроме как помнить о рядовом сотруднике Тайной службы.

Но Малькольм мигом раскусил эту нехитрую игру и пригрозил пальцем:

– Тебе ли жаловаться?! Помнится, не так давно монарх некоего сопредельного государства даровал кое-кому в собственность имение, дающее право на наследственное дворянство. Не так ли, ваше сиятельство?

– Себастьян Март, граф Сольгрев! – расплылся я в улыбке. – Звучит! Не напомните только, какой у имения годовой доход? Сорок шелегов? Или целых пятьдесят?

– Важен сам факт.

– С этим не поспоришь. – Я осушил бокал, убрал его на подставку и спросил: – Но вы ведь не из-за этого меня в попутчики затребовали?

Ничуть не походивший в своем дорожном одеянии на влиятельного вельможу Паре тяжело вздохнул, глянул на карманные часы и подтвердил:

– Не из-за этого.

– Проблемы? Есть нечто такое, о чем мне следует знать?

– Тирош, – с непонятым выражением лица произнес Малькольм. – Ты ведь слышан, сколь непростая сейчас ситуация в Тироше?

– Наслышан.

Узурпировавший трон дядя законной наследницы весьма неосмотрительно принял сторону еретиков, и одним из условий мирного договора стало разделение великого герцогства на части. Полуночные земли отошли Довласу, рассветные – Марне, а оставшиеся стали провинцией Стильга. Под управлением герцогини, но тем не менее – провинцией. И это обстоятельство не давало покоя как местным реваншистам, так и щедро ссужавшим им деньги недоброжелателям Короны.

– Его величество всецело поддерживает политику примирения, проводимую ее светлостью Вероникой, но зачастую этих усилий оказывается недостаточно...

– Будем содействовать?

– К сожалению, не все так просто, – вздохнул Паре. – Есть мнение, что сейчас не время раскачивать лодку. Мне настоятельно рекомендовали не предпринимать никаких мер даже по отношению к самым одиозным личностям.

– А какова позиция Ланье? – спросил я, зная, что глава надзорной коллегии обладал куда большей свободой действий и отчитывался лишь перед канцлером. – Его тоже попросили не раскачивать лодку?

– Ланье будет действовать только при наличии неоспоримых доказательств и не напрямую, а через королевский суд.

– Все так серьезно?

– Серьезней некуда, – нахмурился Малькольм. – Все вдруг стали слишком уж шепетильно относиться к правам тирошского дворянства. Только и разговоров о том, что нельзя допустить волнений. А по мне, так лучше выжечь лопнувший гнойник, чем загонять болезнь вглубь! Крамола – не чирей, если не трогать, только хуже станет.

– И кого конкретно нам придется выжечь? – вздохнул я.

– Нам – никого, – покачал головой Паре и отдернул закрывавшую оконце кареты занавеску. – В начале следующей декады состоится празднество по поводу именин ее светлости Вероники, поэтому арест любого мало-мальски известного аристократа вызовет нешуточный скандал.

– Но кое-кому на празднестве в Кланице лучше бы не появиться?

– Граф Жиль Валич потерял в сражении под Роневом обоих сыновей. Сейчас он привлекает в своем имении помилованных дезертиров и, по моему глубокому убеждению, намеревается устроить в Кланице беспорядки. А мученики, положившие свою жизнь на алтарь независимости Тироша, нужны нам меньше всего.

– Если он внезапно умрет, – поморщился я, – вам наверняка начнут задавать разные неприятные вопросы.

– Переживу как-нибудь, – расплылся в загадочной улыбке Малькольм и вдруг спросил: – Ты ведь слышал, какие ужасы творятся нынче в окрестностях Рживи? Кто-то, проводя ритуал изгнания бесов, загубил уже десяток человек.

– Разве это не дело рук экзекуторов?

– Не их почерк.

– Да? А разве в округе не участились случаи одержимости?

– Приходские священники хоть и сбились с ног, но к экзекуторам за помощью точно не обращались.

– Полагаете, Жиль Валич подходит на роль следующей жертвы?

– А почему, собственно, нет? – пожал плечами Паре. – Но учти: нам совершенно не нужны неожиданные осложнения. Поэтому для начала разыщи настоящих убийц и позаботься о том, чтобы они, будучи пойманными, не стали откровенничать с дознавателями.

– Ясно, – кивнул я. – Кто введет меня в курс дела?

– Все уже на месте. Валентин Дрозд собирает информацию в городе, а Гуго и Берта встретят тебя в «Жареном петухе» – это постоянный двор у переправы через Влану.

– Валентин – что делает?

Валентин Дрозд, шпагоглотатель и метатель ножей, приданный нам после безвременной кончины Альба, был конченным пройдохой, и доверять ему какое-либо расследование не стоило ни при каких обстоятельствах.

– Не беспокойся, патент дознавателя надзорной коллегии фальшивый. В случае провала бумаги просто растворятся в воздухе. Как и Дрозд. И ты вместе с ним, уж не обессуди.

– А Ланье в курсе, что мы в качестве прикрытия используем его ведомство?

– Кто знает, о чем господин Ланье в курсе, а о чем нет? – улыбнулся Малькольм и протянул мне замшевый мешочек. – Взгляни лучше на это.

Я развязал тесемку и вытряхнул на ладонь перстень с рельефным оттиском символа Изначального Света.

– Бесов праздник! – только и выдохнул я.

– Не сквернословь, – ничуть не удивился подобной реакции Малькольм. – Официалу ордена Изгоняющих не подобает вести себя столь непотребным образом.

– И за что мне такая честь?

Пусть официалы – светские лица, привлекавшиеся монахами для расследования преступлений против ордена и веры, – и не обладали властью самостоятельно вершить правосудие, но получить серебряный перстень простому шпику не светило ни при каких обстоятельствах.

– Из-за той истории с зеркалами Его Преосвященство проникся к тебе истинной симпатией, – улыбнулся Паре.

– Странное выражение благодарности, – пробурчал я и поежился, припомнив оборотней, воровавших чужие отражения.

Жуткие были типы. Неудивительно, что перепуганные вельможи все как один кинулись спрашивать у монашеской братии благословения для своих домашних зеркал, и доходы ордена в один миг подскочили едва ли не вдвое. А поскольку хрупкому стеклу свойственно биться, золотой поток хоть и обмелеет, но окончательно не иссякнет никогда.

– Не назвал бы это благодарностью, – возразил Малькольм и кинул мне на колени свиток, перевитый синей лентой с сургучной печатью на конце. – Приказ о твоём утверждении. Учти – должность проходит по всем церковным реестрам.

Вот радость-то! Вместо одного хозяина два стало! Но деваться некуда, от такой чести не отказываются.

Ладно, как изрек кто-то из проповедников, «кому больше дано, с тех больше и спрашивают». Прорвемся.

– От ордена в Рживи кто-нибудь будет? – уточнил я и вытащил из-под сиденья потрепанную дорожную сумку. Убрал в потайное отделение свиток и выглянул в окошко. Вдоль дороги уже протянулась серо-синяя лента реки. Подъезжаем.

– Разобраться в ситуации прислали брата-экзорциста. Недавний выпускник, ничего пока еще собой не представляет.

– Мне с ним сотрудничать?

– Не дай ему натворить глупостей.

– Хорошо.

– И учти – это не просьба, а приказ. У меня на этого паренька определенные виды.

– Ясно.

– Празднование состоится через пять дней. Я сейчас еду в Кланицу, там и буду ждать вестей. Не подведи.

– Уж постараюсь.

– И вот еще что... – Малькольм Паре вытащил из саквояжа несколько обгорелых листков и протянул мне. – Держи.

– Это еще что?

– Небольшая премия. Думаю, тебе будет интересно ознакомиться. Только после спалить не забудь.

– Непременно.

– Ну все, беги. Удачи.

Кучер придержал перед мостом лошадей, и я прямо на ходу выпрыгнул из кареты в дорожную грязь. Сунул хрупкие листочки во внутренний карман, закинул на плечо ляжку сумки и зашагал вдоль берега по раскисшей после дождей тропинке.

Ознакомлюсь, почему не ознакомиться? И сжечь не забуду, уж будьте уверены. За некоторую писанину и самого на костер отправить могут, мне ли не знать...

2

Солнце припекало короткостриженный затылок, грязь жадно чавкала под сапогами, я размеренно шагал вдоль берега и поглядывал по сторонам.

Слева река, справа поле. С поля веет теплым ветерком, с реки тянет сыростью. Запахнешь плащ поплотнее – упреешь, распахнешь – тут же неуютная прохладца под одежду забирается.

И настроение на душе тоже непонятное. С одной стороны, задачу поставили яснее некуда, с другой – действовать придется на свой страх и риск. И пусть прикрытие Малькольм обеспечил по высшему разряду, всегда остается мизерный шанс быть схваченным за руку. И тогда Себастьян Март со товарищи просто растворится в воздухе, будто его никогда и не существовало вовсе.

Выругавшись в голос, я в очередной раз запахнул плащ, поправил соскользнувшую с плеча лямку дорожной сумки и зашагал к распахнутым настежь воротам постоянного двора. Покосившиеся створки давно вросли в землю, шерсть хрипло гавкавшего на цепи пса пятнали нездорового вида проплешины, а на потемневшей вывеске оказалась намалевана разноцветная пичуга, даже отдаленно не напоминавшая того самого «Жареного петуха». Но, как ни странно, сам трехэтажный домина выглядел на удивление ухоженным, да и надворные постройки не производили впечатления готовых развалиться от любого толчка.

Остановившись у крыльца, я кое-как сбил о деревянную решетку налипшие на сапоги комья грязи, затем поднялся по вышарканным ступенькам и толкнул нещадно заскрипевшую дверь. Прошел через пустую обеденную залу и со всей силы заколотил кулаком о дубовый прилавок:

– Хозяин! Где тебя бесы носят?! Хозяин!

– Чего шумишь? – возмутился выглянувший ко мне дородный мужик с нависавшим над широким ремнем пузом.

– До Рживи далеко отсюда?

– Час ходу. – Хозяин смерил внимательным взглядом заляпанные грязью сапоги и плащ, заметил валявшуюся на полу дорожную сумку и, вытирая руки замызганным полотенцем, предупредил: – Но это если напрямки, а паромщик ради одного человека и не почешется. Проще попутчиков до утра подождать.

– Вот как? – Я задумчиво потер заросший рыжей щетиной подбородок и оглядел пустую залу. – А у тебя, поди, как раз последняя свободная комната осталась?

– Хватает свободных комнат, – ничуть не смутился толстяк и кинул полотенце на стойку.

– А что за народ остановился? Мне бы в тихой гавани пришвартоваться. Чтоб без неожиданностей.

– Спокойные постояльцы подобрались, спокойные.

– Точно? Мне неприятности не нужны.

Когда человек моей наружности говорит, что «ему не нужны неприятности», люди обычно начинают чувствовать себя неловко, но хозяин и глазом не моргнул.

– Лучшего места для ночлега тебе в округе не найти, – прямо заявил он.

– И сколько за ночь просишь?

– Дорого не возьму – плати осьмушку и заселяйся.

– С ужином?

– И с завтраком, если до полудня съедешь, – подтвердил толстяк.

– Бес с тобой, – махнул я рукой и, достав из голенища сапога тощий кошель, брякнул им о прилавок. Распустил тесьму, выудил серебряную монетку и, с неприкрытым сожалением катнув ее хозяину, указал на выставленные к стене бочонки: – Налей-ка пивка тогда, а то горло пересохло. Всю дорогу только пыль хлебал.

Толстяк поймал осьмушку, вытер керамическую кружку с обколотыми краями и подставил ее под врезанный в бочку кран. Налил пива и спросил:

– Издалека?

– Пальцем в небо! – расхохотался я и пригубил хмельного напитка. Рукавом промокнул губы и тяжело вздохнул: – Из Кланицы я, просто помотало по свету изрядно. Десять лет дома не был.

– То-то смотрю – выговор странный, – кивнул толстяк и, отвернувшись, заорал: – Лука!

Тут же послышался топот, и к нам выскочил перепачканный мукой парнишка в накинутах поперх рубахи и слишком коротких штанов фартуке.

– Лука, проводи человека в комнату, – распорядился хозяин.

С кружкой в одной руке и сумкой в другой я поднялся по крутой лестнице, прошел в предупредительно открытую прислужником дверь и придирчиво оглядел небольшую комнатушку. Ну да ничего – переночевать сойдет.

– Ужин в семь, – предупредил парень и убежал.

Я задвинул расшатанный засов, отхлебнул выдаваемую за пиво кислую бурду и опустился на стоявший у распахнутого окна табурет. С некоторой долей опаски вытащил из потайного кармана куртки переданные Малькольмом Паре ветхие листочки и осторожно развернул хрупкую бумагу.

Не дело при себе всякую крамолу таскать. Мало ли какой любитель лазить по чужим карманам попадет. Придется потом... того... грех на душу брать.

Аккуратно расправив листки, я заметил оставленную почерком Паре пометку и немедленно схватился за кружку. Едва не облившись, сделал несколько судорожных глотков, вытер подбородок и растерянно перевел дух.

«Предположительно список с труда Раймонда Фуко «Овеществленная скверна», – гласила пометка. Ни больше ни меньше.

Раймонд Фуко! «Овеществленная скверна»!

Считавшееся утерянным много веков назад сочинение опального генерала ордена Пламенной длани, сожженного за ересь собственными братьями!

Вот так дела! Ну да удивляться не приходится – в войну еретики разграбили немало монастырей, вполне возможно, какому-нибудь агенту тайной службы и посчастливилось выкупить записи у безграмотных солдат. Или перерезать ради них чью-то глотку...

Поборов нерешительность, я убрал в сторону верхний, наиболее сильно обгоревший листок и принялся читать.

«Принято считать, будто душу человека при рождении наполняет исключительно Свет, а последующая греховная жизнь создает червоточины, по которым и проникает Тьма. Но тогда получается, что Святые всего лишь сохранили дарованную им духовную чистоту, и не более того. Так ли это? Нет. В каждом из нас живут Изначальный Свет и Извечная Тьма. А Святые сумели очиститься и выйти за рамки, установленные миром смертных...»

Я вытер выступившую на лице испарину, жадно хлебнул пива и поднес уголок листка к трепетавшему из-за сквозняка огоньку свечи. Желтая бумага почернела, а потом вспыхнула и за несколько ударов тяжело колотившегося сердца обратилась в прах.

Да уж, неудивительно, что Раймонда Фуко собственные братья на костер потащили. Стань его еретические воззрения общеизвестны, и у экзекуторов возникли бы весьма и весьма серьезные проблемы.

«Тьме изначально открыта дорога в душу человека, но, покуда она не набрала силу, опасаться нечего. Надо лишь помнить, что потусторонняя сила – сиречь скверна – несет в себе много больше Тьмы, нежели Света. И под ее воздействием у любого неподготовленного человека, сколь бы праведным он ни был, проявляются такие черты характера, о которых

ни он, ни окружающие не могли и подозревать. Скверна растворяет все хорошее, что есть в душе, и усиливает самые мерзкие и греховные побуждения...»

Неожиданно. Весьма. Гроссмейстер ордена Пламенной длани открыто признает пагубное воздействие скверны? Пожалуй, насчет истинных причин сожжения Фуко я погорячился.

И вновь лист исчез в жадно пожравшем бумагу огне, а я повертел головой из стороны в сторону и начал читать дальше.

«Нельзя идти на поводу у экзорцистов и прочих ханжей! Лишь самые сильные молитвы могут полностью уничтожить скверну, но одновременно они сжигают и душу грешника, оставляя от человека лишь телесную оболочку, которой больше незачем существовать.

Нельзя оставлять бесноватым жизнь! Души их связаны с Бездной! И, как проткнутый чирей приводит к заражению, сочащаяся через бесноватых скверна отравляет наш мир!»

Ага, это уже ближе к официальной доктрине экзекуторов. Горите, откровения, горите...

«Цель каждого верного сына ордена – уничтожение бесноватых. Но для этого требуется научиться противостоять тлетворному воздействию скверны. Наш долг заточать ее в собственных душах, дабы не дать потустороннему и дальше отравлять обывателей. Лишь так и только так...»

В середине листа зияла обгоревшая дыра, и о смысле написанного приходилось только догадываться.

«Но помните – заточенная в душу скверна сохраняет связь с Бездной. Проявите неосторожность и станете окном в Пустоту. Лишь молитвы и праведный образ жизни защитят душу и разрушат противоестественную связь. И ни в коем случае не давайте потустороннему вырваться из вас на свободу!»

Чем сильнее воздействие скверны на обывателей, чем сильнее трачены грехом их души, тем быстрее проявится тлетворное воздействие. Не позволяйте...»

Не позволяйте? Ну ясно в общем-то – не разбрасывайтесь силой направо и налево, а то окружающим не поздоровится. Держите скверну в себе... как-то так.

«Иногда, особенно при массовой одержимости, скверна может размывать границы между реальностью и потусторонним. Опасайтесь этого, ибо больше всего бесы алчут обрести материальное воплощение. И даже если нечистым не удастся совладать с праведником, остается шанс провалиться...»

Ага, помню-помню. Жнец, чтоб ему пусто было, нечто подобное в своей резиденции провернул. Ух, и натерпелись мы тогда!

А вот куда провалиться – непонятно. В Бездну? Похоже на то.

«Скверне можно придать материальное воплощение. Превратить ее в инструмент, в смертоносное оружие, способное уничтожить любого врага. Но будьте осторожны...»

Материальное воплощение? Будьте осторожны?

Вот ведь! А дальше?

А дальше – ничего. Я сжег последний лист, стряхнул пепел с подоконника на улицу и допил пиво.

Есть о чем подумать, но не более того. Жаль, бесовски жаль, что не удалось наложить лапу на полный список «Овеществленной тьмы». Неужели Малькольм Паре намеренно отобрал самые вершки?

Да неважно уже в общем-то. По крайней мере теперь понятны устремления экзекуторов. Начинают они с уничтожения бесноватых и спасения мира от скверны, а потом потустороннее потихоньку разъедает их души, и остается лишь жажда личного могущества.

Неуютная мысль. Потому как возникает вопрос: сколько продержусь я сам?

Или все же есть способы противостоять скверне, помимо праведной жизни? Ох, поговорить бы по душам с каким-нибудь братом-экзекутором. По душам – да...

Закрыв окно, я повалился на кровать и в ожидании Гуго и Берты незаметно для себя прикорнул. А проснулся уже под вечер, но вовсе не из-за того, что выспался. Нет – разбудил гомон пьяной гулянки.

Затянувший незнакомую песню нестройный хор голосов, крики, топот, дурной смех и терпящаяся во всем этом бедламе музыка.

Вот ведь хозяин сволочь! Какая, к бесам, тихая гавань? Тут больше разбойничьим вертепом пахнет!

И Гуго с Бертой, как на грех, меня до сих пор не отыскали!

Бесов праздник! Только пьяных кабацких драк для полного счастья не хватало! Но деваться некуда, придется спуститься. Мало ли чем оно в итоге обернется?

Придирчиво оглядев одежду, я оставил запыленный плащ и куртку в номере, а поверх рубахи натянул традиционную в этих краях жилетку. Без особого усердия обил с сапог засохшую грязь, обулся и убрал за голенище кошель. Немного поколебался и туда же сунул нож, специально оставив на виду потемневшую от пота деревянную рукоять. Вот теперь точно готов.

Когда спустился в обеденную залу, дым там стоял коромыслом. Чадил растопленный сыроватыми дровами камин, тянуло с кухни подгоревшей едой, раскуривали набитые табачным зельем трубки гуляки.

И вот эти самые вольготно расположившиеся за столами парни на мирных поселян не походили совершенно. Тут и без мундиров со споротыми нашивками ясно, что за публика собралась. Солдат, со службы уволенных, а то и просто дезертиров нелегкая принесла. И много их, дюжины полторы – никак не меньше.

Решив не мозолить им глаза, я уселся за свободный стол неподалеку от лестницы и стал присматриваться к ситуации. Две разносчицы с ног сбились, подносы с харчами разнося, а вот кувшинов вина за столами немного. И хоть парни ведут себя пока прилично, вид у приглядывавшего за порядком хозяина не шибко счастливый. Будто знает, что ничем хорошим эта попойка не закончится.

Что ж ты, сволочь, мне насчет тихой гавани голову морочил? Бравые солдатушки – это не та публика, к которой может подойти определение «спокойная». Уж я в свое время на эту братию вдоволь нагляделся.

Еще и Гуго с Бертой куда-то запропали!

Тем временем зашедший с улицы здоровяк с продубленной физиономией видавшего виды сержанта пригладил ежик седых волос и, обняв за плечи хозяина постоянного двора, принялся что-то ему втолковывать. Толстяк какое-то время мялся, потом окончательно поник и велел служанке притащить пару кувшинов крепленого вина. Парни дармовой выпивке откровенно обрадовались, а сержант снисходительно похлопал хозяина по пухлой щеке и присоединился к своим приятелям.

Да уж – без офицерского пригляда солдатики совсем одичали. Вовсе не удивлюсь, если они уже и на большой дороге пошаливают.

Тут вновь распахнулась входная дверь, и в задымленную залу вошел сутулый старик, сгибавшийся под тяжестью дорожного мешка. Переступившая вслед за ним через порог девица – дочь, служанка? – откинула с головы капюшон и поморщилась из-за витавших в воздухе клубов едкого дыма.

А вот это она зря. Не стоило так опрометчиво свое симпатичное личико мужланам показывать. Глядишь, и обошлось бы. А вот так – вряд ли.

За столами послышался восхищенный свист, черноволосая девица сразу осознала свою ошибку, но было уже поздно – к новым постояльцам зашагал все тот же неугомонный сержант.

– Леди! – протянул он руку брюнетке. – Ваша красота сводит меня с ума! Буду счастлив, если вы составите мне компанию на этот вечер!

– Оставьте в покое мою дочь! – попытался оттеснить его старик, но к нему немедленно подскочили двое парней и силой усадили за стол.

– Так что скажешь, красавица? – расплылся в улыбке седоволосый здоровяк.

– Мы всего лишь хотели снять комнату, – пролепетала девица. – Прошу вас...

– Зачем тебе комната? – Сержант терять время попусту не собирался и облапил красотку за талию. – Переночуешь в моей!

Я поймал вопросительный взгляд девицы и едва заметно качнул головой. В зеленых глазах мелькнул злой огонек, и брюнетка заголосила, пытаясь оттолкнуть слишком уж навязчивого ухажера:

– Уберите руки!

Толстяк поспешно отвернулся, делая вид, будто не замечает творившегося у него на постоялом дворе беззакония; несчастный папаша бросился на выручку, но ему немедленно врезали под дых и усадили обратно. Какой-то шустрый паренек избавил старика от дорожного мешка и начал бесцеремонно рыться в поклаже, другой и вовсе попросту срезал тощий кошель.

– Помогите! Да помогите же! – продолжала надрываться девица, и не на шутку разозлившийся сержант взялся за нож.

– Вот что, дорогуша, – провел он широким клинком у лица обомлевшей от страха девушки, – будь лапочкой и останешься цела. А не то...

– Не надо, – пролепетала девушка.

– Заткнись! – рывкнул седой и прижал ее к стене. – Так будешь лапочкой?

– Не трогайте меня...

Потерявший терпение сержант выругался и, намотав на руку черную косу, поволок красотку к лестнице. Когда они проходили мимо, я опустил взгляд, молясь всем Святым, чтобы дезертиры не вспомнили о моем присутствии. Иначе закопают на заднем дворе, и вся недолга.

Но солдатам было не до какого-то бродяги. Двое подперли с боков убитого горем старикана, остальные увлеченно копались в пущенном по кругу дорожном мешке.

– Эй, хозяин, живо вина нам! – развернулся на лестнице тащивший за собой девушку сержант.

– Но... – захлопал глазами толстяк, – но деньги...

– Держи, жирдяй! – Справившийся с тугими завязками срезанного кошеля парень высыпал на стойку весело зазвеневшие монеты. – Вина на все!

Хозяин бросился наполнять кувшины, и к нему немедленно выстроилась очередь горевших желанием промочить горло выпивох. Воспользовавшись суматохой, я взбежал по лестнице на второй этаж, прошелся по темному коридору и, уловив в одной из комнат девицы крики, уверенно постучал.

– Чего еще?! – рыкнули в ответ.

– Ваше вино, – нервно оглянувшись, отозвался я.

– Давай сюда!

Сержант беспечно открыл дверь и сразу получил левой в горло. Из рта громилы вырвался лишь неразборчивый сип, а миг спустя резкий удар основанием ладони сломал мерзко хлюпнувший нос и зашвырнул выпучившего глаза здоровяка обратно в комнату.

Спиной он врезался в стену и потому устоял на ногах, но никак отреагировать на внезапное нападение не сумел – я немедленно оказался рядом и с ходу врезал ему под дых. После ухватил согнувшегося в три погибели бугая за ворот и рывком направил головой в массивный шкаф. Толстенная дверца с глухим стуком раскололась; сержант без чувств рухнул на пол и потому вряд ли почувствовал, как носок моего сапога со всего маху врезался под ребра.

От души пропнув обмякшую тушу еще пару раз, я обернулся к соскочившей с кровати Берте и указал на дверь. Без слов понявшая меня девушка задвинула засов, и я уже без неумест-

ной спешки начал превращать сержанта в отбивную. Ногами. Руки слишком легко повредить, а мне ими работать еще. Нет – руками только убивать.

Когда ребра здоровяка в очередной раз хрустнули под каблуком сапога, я вытер с лица пот и ухватил бугая за коротко стриженные волосы. Оторвал голову от пола, со всей силы впечатал ее обратно и только тогда отошел от начавшей растекаться по некрашеным доскам крови.

Сволочь! Сволочь! Сволочь!

Тяжело вздохнул и с разворота пнул валявшегося в забытьи сержанта по лицу.

Так тебе, тварь!

Вид брызнувших на стену алых капель привел в чувство; я уселся на кровать и выдохнул через судорожно стиснутые зубы.

– Ты все принимаешь слишком близко к сердцу, – погладила меня по руке Берта. – Я бы и сама прекрасно с ним справилась. И кстати – он был ничего, симпатичный...

– Симпатичный? Сама? Да внизу к тебе уже очередь выстроилась!

– Ты беспокоишься обо мне, это так приятно... – заулыбалась девушка.

– Бесов праздник! – Я вскочил на ноги, схватил обломок дверцы и со всей силы шибанул им по затылку начавшего ворочаться бугая. – Ты совсем ничего не понимаешь?! Они бы не оставили тебя в живых! Ни тебя, ни Гуго. А мне еще работать с вами!

– Не обманывай себя, я тебе небезразлична! Иначе с чего ты так взбеленился?

– Да просто эта похотливая сволочь все планы спутал!

– И дело вовсе не в собственническом отношении ко мне?

Я уже открыл рот, но дать отповедь слишком много возомнившей о себе девице помешал стук в дверь. Берта без подсказок повалилась на кровать, начала подпрыгивать и под мерный скрип застонала:

– А! А! А-а-а...

– Вино! – послышалось из коридора. – Открывай!

Я опустил на колени рядом с сипло дышавшим из-за перебитого носа сержантом и слегка его придушил. Так, на всякий случай.

– Ох! Да! Да! – зачастила девушка. – Еще!

– Вино! – вновь заорал явно мучимый любопытством парень.

– Оставь! – задыхаясь, вскрикнула Берта и вновь принялась стонать и подпрыгивать.

Больше отвлекать весело проводящего время сержанта посыльный не рискнул, а потому отправился восвояси. Берта еще какое-то время поохала, потом уселась на кровати и тихонько рассмеялась.

– Продолжай, – потребовал я и, стараясь не перепачкаться в сочившейся из ноздрей сержанта крови, попытался нащупать пульс.

Живой. Крепкий, скотина. Приличный человек на его месте сразу бы дуба дал.

Отпустив безвольно мотнущуюся голову, я заломил бугаю руки за спину и стянул толстенные запястья прочным шнуром. Потом запихал ему в рот край скомканного полотенца и устался на Берту:

– Чего молчишь? Стони, давай!

– Мне необходимо вдохновение, – заявила девушка и приподняла ладонями и без того туго обтянутые лифом груди. – Не сможешь?

– В другой раз.

– Жаль. А могли бы неплохо провести время.

– О другом голова болит.

– Да уж, – согласилась со мной девушка, – твой лихой кавалерийский налет кажется несколько непродуманным...

– Прыгай и стони! – потребовал я, приоткрыл дверь и осторожно выглянул в щель. Убедился, что коридор пуст, забрал стоявший у порога кувшин и задвинул засов. – С остальным сам разберусь.

– А если вызвать стражников?

– Не вариант. Тут до ближайшего города час добираться. И то если паромщик повезет.

– И что делать?

– Прыгать и стонать.

– Подлец! – Девушка сделала вид, будто обиделась, но тут же протянула руку: – Вино давай, а то на сухую точно связки сорву.

Я сделал пару глотков кислого пойла, намеренно облил им рубаху и протянул кувшин девушке.

– Не увлекайся только, – предупредил и выскользнул за дверь.

Внизу мою недолгую отлучку никто не заметил. Парни хлестали вино, служанки таскали с кухни новые блюда и уносили объедки, а хозяин втихаря пересчитывал монеты. И лишь зажатый с двух сторон бугаями Гуго с нарочито горестным видом смотрел себе под ноги.

Хотя почему с нарочито? Седой фокусник не хуже меня понимать должен, чем все закончится. Никто ему шанса пообщаться со стражниками не оставит. В любой момент могут на задний двор вывести и зарезать. А то и вовсе в пьяном угаре забить.

Я оглядел весь этот бедлам и потянулся к скрученной в колючий клубок скверне. Запрятанная куда-то под самое сердце потусторонняя сила, вытянутая из убитого в Леме экзекутора, холодным огнем побежала по крови, ударила в голову, заставила встать дыбом волосы. Не позволяя призрачному пламени поглотить сознание, я заставил колючую тяжесть перетечь в ладони и беззаботно брякнул кошельком о прилавок.

– Эй, хозяин! – позвал толстяка и сыпанул на липкие из-за пролитого пива доски весело звякнувшие монеты.

И этот негромкий звук в один миг приковал ко мне всеобщее внимание.

– Чего изволите?

– Лучшую выпивку на все! Мне и этим славным парням!

Славные парни, у которых купленное на деньги Гуго вино неумолимо подходило к концу, радостно загомонили, а хозяин сгреб к себе полпригоршни меди и выставил на прилавок сразу четыре глиняных кувшина.

Я ухватил за горлышки пару драгоценных сосудов и, на ходу напивая потусторонним ядом тихонько бултыхавшее в них пойло, направился к изрядно подвыпившей компании.

Как там почтенный Фуко писал?

«Чем сильнее воздействие скверны на обывателей, чем сильнее трачены грехом их души, тем быстрее проявится тлетворное воздействие».

Вот сейчас и проверим...

– Как насчет выпить за славную армию великого герцогства Тирош, да провалятся в Бездну эти стильские убудки? – выставив кувшины на стол, заговорщицки подмигнул я дезертирам. – Только надо сразу все вино забрать. Не доверяю я этому жирдяю...

– Садись! – толкнул меня на скамью парень потрезвее, наряженный, в отличие от остальных, в обычную куртку, а не в мундир со споротыми нашивками. – Сам принесу.

– Ну-с, приступим! – Я азартно выдохнул и начал разливать вино по кружкам.

Вырывавшаяся на волю скверна немилосердно тянула жилы, но приходилось пьяно улыбаться и хохотать над пошлыми шутками. Нельзя было выпасть из образа ни на миг – очень уж остро поглядывал на наш стол о чем-то шушукавшийся с хозяином странный парнишка. Слишком трезвый, слишком подозрительный.

Но вроде обошлось. Событьники гоготали, что-то наперебой кричали и хлебали приправленное скверной вино. Потусторонняя сила продолжала сочиться из меня, отравляя сам воздух, и, даже возникни такое желание, я не смог бы уже повернуть этот процесс вспять. В дырявых мехах вина не удержать...

В глазах зарябило, голова закружилась, и захотелось бежать отсюда без оглядки. Почувшие отголоски родной стихии бесы попытались вырваться на волю, и, поперхнувшись, я облился вином.

Э, нет! Так дело не пойдет!

Растекавшаяся по комнате скверна жалила роем ядовитых ос, и далеко не сразу мне удалось свести ее тлетворное воздействие на нет. А потом вернулся странный парнишка. Он уселся рядом и во всеулышание поинтересовался:

– Сам-то откуда будешь?

– Из Кланицы, – ответил я и глянул поверх кружки на Гуго. – Давненько, правда, по миру мотаюсь. Теперь вот решил вернуться и посмотреть, чего тут и как. На родине-то...

– А по жизни чем занимаешься? – спросил придвинувшийся с другого боку крепыш и зло шикнул на фокусника: – Чё уставился, козел старый?

Гуго немедленно отвернулся, я сделал длинный глоток, вытер рукавом губы и усмехнулся:

– Да тоже вроде как по солдатской части буду. Еще на Лемском поле начинал.

– И на чьей стороне? – прищурился трезвый.

– На правильной, – многозначительно глянул я в ответ. Немного помолчал и тихонько рассмеялся: – Но драпали мы так, что только пятки сверкали!

Несколько человек постарше понимающе загоготали, и подозрительный тип слегка расслабился.

– Возвращаться в Тирош, сам понимаешь, тогда показалось не очень хорошей идеей, вот и решил мир посмотреть. Осел в итоге в Нильмаре, и только все начало налаживаться, как опять пришлось ноги уносить. Теперь вот на родине счастья попытаю...

– Чем заняться думаешь?

– Не знаю. Осмотрю, а там видно будет.

– Смотри – нам надежные люди нужны.

– Не, – отказался я, – и не предлагайте. Твердо решил – сначала домой.

– Ну домой так домой, – окончательно успокоился парнишка, вероятно поначалу подозревавший с моей стороны какой-то подвох. – Выпьем!

Ну мы и выпили. Посидели, поболтали о всякой ерунде и выпили еще. Дрянное винишко моментально ударило в голову; я старался не увлекаться, но все же едва не упустил момент, когда у собеседников начали стекленеть глаза.

Усилием воли сбросив с себя оцепенение, я постарался отгородиться от навалившейся ватным одеялом скверны и огляделся по сторонам. И рубаха на спине немедленно промокла от пота.

Слишком уж быстро потустороннее дало щедрые всходы в траченных грехом душах дезертиров. Разговоры стали громче, обсуждаемые темы – омерзительней. Да и вести себя парни стали заметно агрессивней. Они и поначалу паиньками не были, а сейчас и вовсе откровенно задирали друг друга, и от всеобщей драки спасало лишь подносимое перепуганным до смерти хозяином вино.

Взгляд сидевшего напротив меня Гуго подернула поволока, и хоть старый фокусник оказался не столь восприимчив к скверне, но долго сопротивляться тлетворному воздействию потустороннего в таких обстоятельствах не сумел бы и праведник. Что уж тогда говорить об убийце, перепачкавшем руки в крови едва ли не по локоть?

Действовать требовалось быстро, и, перегнувшись через стол, я открытой ладонью шиба-нул Гуго в лоб. Да так, что тот кувыркнулся через спину и растянулся на полу.

– Чего пялишься?! – предупреждая вопросы, рявкнул я. – Сидит, пялится! Вали отсюда, хрыч старый! Иди лучше, стоны дочурки слушай!

Со всех сторон послышался хохот, и Гуго, как был на четвереньках, так и юркнул под соседний стол. Кто-то поддал ему под зад ногой, седой фокусник даже не оглянулся, подскочил к лестнице и в один миг взлетел на второй этаж.

– А ты молодец! – обливаясь вином, заржал сидевший рядом со мной крепыш. – Его постная рожа так на пинок и напрашивалась!

Я кивнул, окончательно отгородился от витавшей в зале скверны и скрутил бесновавшихся в душе нечистых. Выдоил их до последней капли и начал выгадывать подходящий момент.

Долго ждать не пришлось – совсем молодой еще парнишка неосторожно грохнул полный кувшин о стол, и малая толика вырвавшейся из меня потусторонней силы заставила с громким хлопком отлететь глиняное донце. Вино хлынуло на стол, и забрызганный сосед растяпы без задней мысли врезал тому кулаком по уху.

И, будто этот удар высек искру, немедленно вспыхнула потасовка. В ход пошли руки, ноги, кувшины и даже скамьи. Отравленные скверной парни дрались не на жизнь, а на смерть и вскоре обеденная зала превратилась в поле боя.

Я отошел к лестнице, и, хоть совершенно не прятался, внимания на меня никто не обращал. Будто стал невидимкой. Да отчасти, наверное, так оно и было – дебоширам сейчас застила глаза скверна, а ее потоки разбивались об меня, как о волнорез. Подобно кукловоду, я оказался над сценой и, подобно кукловоду, получил возможность влиять на происходящее незаметно и для дравшихся, и для перепуганной до смерти прислуги.

Дикий рев и глухие удары, выбитые зубы и разлетающиеся от ударов табуреты – побоище в один миг достигло апогея, и хозяин сообразил, что еще немного и постоянный двор просто раскатают по бревнышку. Он суетливо подтолкнул слугу на выход, но досрочное окончание веселья вовсе не входило в мои планы, и поэтому под ноги бросившемуся к дверям парнишке немедленно вылетела перевернутая скамья. Рухнувшего бедолагу затоптали вошедшие в раж драчуны, а прижавший ко рту пухлую ладонь хозяин опрометью кинулся к кухне, но поймал затылком пустой кувшин и растянулся на полу.

Разминая невыносимо нывшие кисти, я подошел к толстяку и срезал с его пояса кольцо с ключами. Только выпрямился – и по лестнице скатился избитый сержант. Спустившийся следом Гуго сразу юркнул за стойку, я швырнул ему позаимствованную у хозяина связку и распорядился:

– Займись кубышкой толстяка!

– С превеликим удовольствием! – обрадовался седой прощельга и поспешил убраться на хозяйскую половину.

А я подошел к замершему на полу сержанту, из приоткрытого рта которого с хрипом вырывалось дыхание, и задумчиво глянул на него сверху вниз. Потом примерился и подошвой ботинка раздробил беспомощному бугаю гортань.

Ничего личного, просто мне здесь еще работать.

Хотя почему это ничего личного?

Отправляйся к бесам, тварь! Заслужил...

3

Время – это то, чего всегда не хватает. Что – деньги? Деньги – тлен. Очень многие полагают состояниями, которые им при всем желании не промотать до конца жизни, но никто не имеет в своем распоряжении столько времени, сколько действительно необходимо.

Все мы постоянно куда-то опаздываем. И это не наша вина, просто так устроен мир. Так устроен мир – только вот попробуй объяснить это руководству.

Я заложил руки за голову и, пожевывая соломинку, уставился в безоблачное весеннее небо. Колеса телеги размеренно скрипели, то и дело подпрыгивая на колдобинах разбитой дороги; легкая тряска убаюкивала, но, несмотря на бессонную ночь, спать не хотелось.

Да, ночка выдалась еще та. Стража на постоялый двор нагрнула только к рассвету, а до того отравленные скверной парни и не думали успокаиваться, и дом ходил ходуном. Просто удивительно даже, что во Тьму отправился один лишь сержант.

Как бы то ни было, стражники порядок навели, и немногочисленные постояльцы наконец получили возможность отправиться в путь. В нашем случае – с изрядным опозданием. И это не могло не раздражать. Как ни крути, сроки поджимали. Ладно, Гуго где-то умудрился раздобыть телегу, все не на своих двоих до города чапать. Хоть немного время наверстаем.

Я приподнялся на локтях, встретился взглядом с Бертой и досадливо отвернулся. С непонятным выражением лица смотревшая на меня девушка фыркнула, но говорить ничего не стала.

Оно и к лучшему – обсуждать произошедшее не хотелось.

Слишком уж тоскливо было на душе. Тоскливо и мерзко. И вовсе не из-за впустую потерянного времени или каких-то там моральных терзаний. Вовсе нет. Просто будто похмелье накатило. И капли потусторонней силы в душе не сыщется, да и бесы выжаты досуха – вот и ломает всего.

Проклятье! Слишком уж сильно к скверне пристрастился! Нехорошо это, совсем нехорошо. Стоит только дать слабину, и кто знает, куда заведет эта кривая тропинка?

Да нет, известно куда – прямиком в Бездну.

Представления не имею, как справляются с таким искушением экзекуторы. Мне это точно не по силам. Видел я, что опий с людьми делает, а скверна будет посильнее привозимого из Пахарты дурмана. Много-много сильнее.

Ведь, как ни крути, вчера я был всемогущ. Всемогущ – без дураков. Но сила просочилась сквозь пальцы и сгинула без следа. И я оказался пуст, как вычерпанный до дна сосуд.

И от такого сравнения даже мурашки по коже побежали. Сосуд! И подумать страшно, каково приходилось людям, чьи души еретики использовали для хранения собранной из прихожан храмов Единения скверны. Ощущать силу и раз за разом отдавать ее другим – как можно пережить подобное и не сойти с ума?

Я глубоко вздохнул и вновь уставился в небо. Разочарование и усталость жгли душу почище раскаленного железа, но поддаваться унынию было никак нельзя. Стоит только начать себя жалеть, и сам не заметишь, как станешь игрушкой в руках бесов. Жалеть себя – последнее дело. У нас и без того проблем хватает.

Окинув взглядом протянувшиеся вдоль дороги поля, я спросил у Гуго:

– Долго нам еще?

– С полчаса, не больше, – ответил седовласый фокусник и прикрикнул на впряженную в телегу клячу: – Давай, волчья сыть! Шевелись!

– Вот ведь!

– Всего ничего осталось. – Берта улеглась на живот, уперла подбородок в ладони и заглянула мне в лицо. – Стоит ли нервничать?

Телега в очередной раз подскочила на кочке; задорно качнувшиеся груди едва не выскочили из лифа, и я отвернулся от лукаво улыбнувшейся девушки, без всякого сомнения, намеренно принявшей столь соблазнительную позу.

– Отстань.

Но кроме рожицы да глубокого оврага, по дну которого струился мутный ручей, поблизости ничего интересного не оказалось, и я вновь уставился в небо.

– Странно, Себастьян, – промурлыкала Берта и облизнула губы, – вчера ты бросился защищать меня с яростью насадки, отбивающей цыпленка у коршуна, а сегодня не желаешь разговаривать.

– Не вижу в этом ничего странного, – возразил я и спросил у хохотнувшего Гуго: – А ты ничем не собираешься с нами поделиться?

– Сейчас, сейчас. – Фокусник враз подавился смешком и зазвенел монетами. – Сейчас все будет...

Берта зевнула и предприняла очередную попытку залезть мне под шкуру:

– Думаю, в глубине души ты считаешь меня своей собственностью, поэтому и рассвирепел вчера.

– Тот гад изрядно спутал нам планы, за это и поплатился.

– И только?

– Окажись на твоем месте Гуго, поступил бы точно так же.

– Хотела бы я на это посмотреть, – хихикнула Берта.

– Вот уж не надо! – возмутился едва не рассыпавший монеты фокусник. – Типун тебе на язык!

– Да кто на тебя польстится-то? – улыбнулась девушка. – Вот Себастьян у нас красавчик...

– Чего ты добиваешься? – обреченно вздохнул я и выплюнул изрядно пожеванную соломинку.

– Чего хочу я? Скажи лучше, чего ты хочешь. – В зеленых глазищах промелькнула хитринка, Берта неожиданно подалась вперед и навалилась сверху: – Скажи, Себастьян, я привлекаю тебя как женщина?

– Странный вопрос... – пробурчал я. В спину больно врезался сучок, но куда больше беспокоило явственно ощущавшееся через легкую ткань платья тепло девичьего тела. Тепло – и не только...

– Хорошо, – прищурилась Берта и уточнила: – Я тебя возбуждаю?

Хоть Гуго и старался вести себя тише воды, ниже травы, но я прекрасно слышал, как его буквально распирает от смеха, и потому, тяжело вздохнув, ответил:

– Нет.

– Да ну? – Девушка приподнялась на одном локте и вдруг запустила свободную руку мне в штаны. – Разве?

– Убери, – сдавленно попросил я, к стыду своему на несколько мгновений позже, чем это следовало сделать.

– Лжец, лжец! – рассмеялась Берта и откатилась в сторону. – Я, конечно, знала, что все мужики лжецы, но вот так врать, глядя в глаза...

Я подтянул ремень и покачал головой:

– Берта, просто скажи, чего ты добиваешься?

– Гуго, закрой уши, – потребовала циркачка, очаровательно улыбнулась и проворковала: – Ну почему, почему мы не можем быть вместе?

– Ждешь предложения руки и сердца? Боюсь, в этом случае жить долго и счастливо у нас не получится, а вот умереть «в один день» – запросто.

– Я вовсе не горю желанием вот так сразу выскочить замуж, – насупилась девушка. – И потом, почему все должно закончиться столь печально?

– Работа у нас такая, вот почему, – вздохнул я, раздраженный необходимостью разжевывать элементарные вещи. – Иногда требуется пожертвовать кем-то одним, чтобы спасти остальных, а из-за личных привязанностей в Бездну отправляются все скопом. Поверь, я видел, как такое происходит.

– О, ты заговорил о высоких чувствах! Да ты, Себастьян, романтик! – рассмеялась Берта. – А почему мы просто не можем... м-м-м... помочь друг другу расслабиться? Ты ведь вовсе не сторонник воздержания? Так почему тогда не со мной?

– Одно дело – приударить за случайной красоткой, – мысленно кляня слишком уж нетопливую клячу, ответил я, – и совсем другое – выстраивать какие-то длительные отношения.

– Никаких отношений, просто будем спать вместе, и все. Как говорят святоши, потешим похоть...

– Ничего не выйдет, – отрезал я и уселся, подобрав ноги. – Ни к чему мне такие проблемы, ясно? Нельзя спать с теми, с кем работаешь.

– Ты разбиваешь мне сердце, – шмыгнула Берта и вдруг подмигнула. – Ты ведь понимаешь, что я все равно добыю своего?

– Забудь.

– Мне б твое терпение, Себастьян. Давно бы уже через колено перегнул и вожжами отходил, – покачал головой Гуго и кинул затянутый на узел платочек. – Твоя доля.

– А моя? – немедленно всполошилась девушка.

– Держи, – достал фокусник второй платок. – Хотя могу рассчитаться натурой...

– Отвали, старик! – фыркнула циркачка и занялась тугим узлом.

Я тяжело вздохнул и начал пересчитывать монеты. Внимательно оглядел четыре изрядно потертых и обрезанных по краям золотых флорина с изображением Иоанна Грамотея на аверсе и герцогской тирошской лилией на оборотной стороне, спрятал их в потайной карман куртки и взвесил в ладони серебряные четвертники и осьмушки.

Неплохо. Очень даже неплохо.

– Толстяк не из бедных оказался, – усмехнулся я, не испытывая ни малейшего раскаяния из-за разграбленной кубышки хозяина постоянного двора. Пусть еще спасибо скажет, что не спалили его халупу к бесам. Будет знать в следующий раз...

– Медяки на общие нужды оставил, – заявил безмерно довольный собой Гуго, явно зажавший на эти самые «общие» нужды немалую часть вчерашнего улова. – Теперь с оборотной монетой проблем не будет.

– Легенду отработали?

– А то! – усмехнулся фокусник. – Разъездной торговец скобяными товарами и его недалекая, зато грудастая служанка.

– Полегче, – возмутилась Берта.

– Так и есть, – отрезал Гуго. – Походишь, на жизнь свою нелегкую и приставучего хозяина пожалуешься. Бабы, они завистливые, но жалостливые. Иначе никак не примут.

– Хорошо, – согласилась с такой ролью циркачка и с интересом уставилась на меня: – Вот только для начала надо узнать, что именно придется вынюхивать.

– Узнаешь в свое время, – хмыкнул я и перебрался к Гуго. – Долго нам еще?

– Нет, уже подъезжаем.

И в самом деле – пустые поля сменились окруженными рощицами фруктовых деревьев усадьбами; дорога понемногу расширилась, и теперь время от времени нас обгоняли направлявшиеся в город повозки. На обочинах ютились крытые соломой мазанки, изредка на глаза попадались колодезные журавли. За плетеными заборами копошились вставшие спозаранку

селяне, к небу от печных труб тянулись жиденькие струйки дыма, а легкий ветерок то и дело доносил аромат свежего хлеба.

Сельская, блин, идиллия.

– Кушать хочется, – печально протянула Берта, выразив таким образом наши общие чаяния.

– Ничего, тебе поголодать не вредно будет, – не смог промолчать Гуго.

– С чего бы это? – удивилась циркачка, демонстративно проведя рукой по талии. – С чего ты взял? Да и не всем худышки нравятся. Скажи, Себастьян!

– Хватит уже! – взорвался я, улегся на покрывавшую днище солому и предупредил: – И только попробуйте меня побеспокоить, пока до города не доберемся! Вовек не забудете!

– Да ладно, чего там, – вздохнул фокусник и начал насвистывать себе под нос незамысловатый мотивчик.

– Перестань!

– Это «Полет стрижа»! – возмутился Гуго. – Маэстро Антонио гениален! Его оперы ставят по всем Святым Землям! Как, вообще, можно не любить искусство?

– Искусство – люблю, но не в твоём исполнении, – хмыкнул я.

– Я, между прочим, с Лири-старшим знаком был, – пробурчал фокусник, – и он даже звал меня в свою труппу...

– А ты? – заинтересовалась Берта.

– Отказался, конечно! Папенька у маэстро Антонио тем еще жуликом был! – рассмеялся Гуго и предложил: – Сухарь будешь?

– Давай, – вздохнула девушка и достала из тюков фляжку с водой.

– Вот всем и говори, мол, хозяин на сухарях и воде держит...

– Тише вы там! – потребовал я, перевалился на другой бок и как-то совершенно незаметно для себя самого задремал. Оно и к лучшему...

4

Растолкали меня уже в Рживи. Хотя что значит растолкали? Всего-то Берта своим нежным голосочком «просыпайся, дорогой» прошептала, а такое впечатление – со всего маху под дых заехали.

Вскинувшись, я спросонья завертел головой по сторонам, потом выругался и соскочил с телеги в дорожную грязь.

– Испугался? – рассмеялась циркачка.

– Иди ты, – пробурчал я, разглядывая окруженные невысокими заборчиками дома. Добротные крыши, резные наличники, застекленные окна. Сразу видно, не деревня какая-нибудь, а окраина пусть и захудалого, но городка.

Вон и столб с герцогской лилией в землю вкопан. Коронный город, и никак иначе.

– Но ведь легче стало? – стрельнула глазками Берта. – С утра сам не свой был.

– Стало, стало. Спасибо большое.

Пусть на душе по-прежнему скребли кошки, но уже не хотелось затянуть на шее веревку с камнем и сигануть в омут. Вроде пустяк, да только и это дорогого стоит. Когда так и тянет утопиться, на работу сил уже просто не остается.

– Мы в «Яхонтовую жабу» заселимся, – предупредил Гуго. – Дыра жуткая, но сразу напротив питейное заведение имеется из приличных. Приезжие торговцы туда частенько после трудов праведных рюмашку-другую опрокинуть заходят, поэтому на чужаков никто пялиться не станет.

– Значит, там и встретимся. – Я стянул с телеги сумку, хлопнул фокусника по плечу и зашагал к карете, возница которой, не мудрствуя лукаво, завернулся в плащ и дремал на козлах. – Обживайтесь пока.

Гуго взмахнул вожжами, и телега, чавкая в грязи колесами, поехала вдоль улицы.

– До встречи, дорогой! – елеиным голосочком попрощалась Берта.

Я только рукой махнул. Встрепенувшийся при моем приближении возница зябко передернул плечами, сладко зевнул и начал приглаживать торчавшие в разные стороны ушицы.

– Добро пожаловать в город, ваша милость! – Он предупредительно распахнул дверцу кареты. – Куда изволите?

Загорелый до черноты мужичок средних лет с торчащими из слишком коротких рукавов форменной куртки жилистыми запястьями чем-то неуловимо походил на отставного моряка, списанного с корабля за беспробудное пьянство. В действительности же Валентин Дрозд был наглядным подтверждением тезиса об обманчивости внешности, поскольку не только не имел никакого отношения к флотской службе, но и не испытывал пагубного пристрастия к горячительным напиткам.

Этим, впрочем, его достоинства по большому счету и исчерпывались. И какого рожна вербовщику Тайной службы приглянулся усач, оставалось для меня загадкой.

– В гостиницу, Валентин. – Я закинул сумку на лавку, сам забрался следом и на всякий случай уточнил: – Ты ведь здесь Валентин?

– Так точно, командир, – блеснул золотым зубом подручный и захлопнул дверцу. Вскоре раздался звонкий шлепок, и покачнувшаяся карета тронулась с места.

Устроившись поудобней, я отодвинул в сторону занавеску и через пыльное стекло принялся глядеть на проплывавшие за окошком здания. Очень быстро частные владения не самых зажиточных горожан сменились неприглядными кузницами и мастерскими, и в горле запершило из-за едкого дыма. К счастью, не желавший дышать этой гадостью Валентин куда-то свернул, и дальше мы покатали меж купеческих складов и лабазов. За ними потянулись особняки

с лавками на первых этажах, и вскоре карета выехала на мощенную брусчаткой набережную – не иначе как центральную улицу городишка.

Дрозд сразу направил лошадей в какой-то неприметный переулочек и, загнав экипаж через распахнутые ворота на задний двор гостиницы, спрыгнул с козел.

– Сами понимаете, вам в таком виде на людях лучше не появляться, – ухмыльнулся он и протянул руку к сумке: – Позвольте...

– Отвали, – огрызнулся я и выбрался из кареты. – Надеюсь, сам в этой рванине не собираешься разгуливать?

– Обижаете! – возмутился Валентин и потер плохо заросший сабельный шрам на правой щеке, почти полностью скрытый бакенбардами. – Положение обязывает. Идемте уже, за лошадьми присмотрят.

Не встретив ни одной живой души, мы поднялись на второй этаж, и повозившийся какое-то время с замком усач распахнул скрипучую дверь:

– Прошу...

– Не пропадай надолго. – Я переступил через порог и оглядел комнату. Кровать, рукомошник, окно. Вот, собственно, и все. Небогато.

– Сильно мы в средствах, командир, ограничены, – вздохнул остававшийся к коридору Валентин. – Вы уж не взыщите...

– Пшел вон, ехидна! – Я захлопнул дверь и подошел к кровати, на которой кто-то аккуратно разложил приготовленный для меня наряд.

Комната – ерунда, и не в таких гадюшниках останавливаться доводилось, а вот если на костюм денег пожалели, то даже и не знаю, что и делать. Я ж не голь перекатная, а официал самого могущественного в Стильге монашеского ордена. Мне по статусу лучше всех в этом городе выглядеть положено.

Но нет, с одеждой оказался полный порядок. И ткань богато выглядит, и покрой из модных. Да и мерка моя, не придется ничего подгонять.

Я достал из дорожной сумки зеркальце с бритвенными принадлежностями, отошел к рукомошнику и наскоро сбрил жесткую рыжеватую щетину. Потом влез в узкие брюки, натянул льняную сорочку, жакет и, застегнув двубортный сюртук, босиком прошелся по комнате.

Нормально. Внушает. Совсем другим человеком себя чувствую.

Усмехнувшись, я заправил штанины в начищенные до блеска сапоги, на всякий случай сунул в карман так и не распечатанный свиток с приказом о назначении официалом и вышел в коридор к уже успевшему сменить свою поношенную куртку на поношенный же камзол Валентину. Плешь на затылке усач прикрыл фетровой шляпой с высокой тульей, но respectableней от такого переодевания выглядеть не стал.

– Держите, ваша милость. – Дрозд протянул мне трость с массивным бронзовым набалдашником. – Оружие вам, к сожалению, не полагается. Тут за этим следят строго...

– Не страшно. – Я взвесил в руке трость и с ног до головы оглядел подручного. – Попрличней ничего подобрать не мог?

Тот поправил топорщившийся ус и постучал согнутым пальцем себя по виску:

– Это ведь встречают только по одежке.

– Ну-ну, – усмехнулся я. – Значит, рассчитываешь унести ноги прежде, чем тебя по уму оценят?

– Обижаете, командир! – протянул Валентин. – Я ж в бытность свою... – он замялся и махнул рукой, – да неважно кем, неважно! В общем, в свое время пообщался с господами из армейской жандармерии. Вот они где у меня сидели. – И усач черкнул ребром ладони по горлу. – Ухватки их накрепко запомнил. Тут никто и не заподозрил ничего...

Обдумывая услышанное, я вышел на улицу, оглядел сонный городишко, зябко кутавшийся в напозавший с реки туман, и попросил:

– Рассказывай тогда, какая здесь обстановка.

– Обстановка – швах, – выдал Валентин, шмыгнув носом и пояснил свое утверждение: – Большинство горожан нас откровенно ненавидят, только и ждут, что Стилг напрямиком в Бездну провалится. За главного у них граф Валич. Новую власть поддерживает маркиз Левич, но он не идейный, просто спит и видит, как бы земли соседа под себя подгрести. У того, если не знаете, оба наследника в войну сгинули...

– К делу переходи, – недовольно поморщился я. – Тебя сюда не крамолу выявлять направили.

– Это чтоб вы знали, в каких условиях работать придется, – ничуть не смутился Дрозд. – К тому же...

– К делу!

– Но Валич...

– Забудь про графа, – прямо заявил я. – Пока не найдем убийц, даже смотреть в его сторону не станем. Все ясно?

– Ясно, командир. Чего не ясного-то? – вздохнул Валентин. – К делу, так к делу. С чего начать?

– Пожалуй, лучше с начала.

– Как скажете, – криво усмехнулся Дрозд. – Убийства начались пару месяцев назад, и на сегодня зафиксировано девять случаев. Но, подозреваю, поначалу местные растяпы могли и не связать все воедино.

– А самому поднять архивы – не судьба?

– Вы бы видели эти архивы! – горестно вздохнул Валентин. – Смех один, а не архивы.

– Ладно, что с бесноватостью? С каких пор здесь это в порядке вещей?

– Говорят, с войны началось, – пожал плечами Дрозд.

– Говорят?

– Меня больше убийства интересовали, – признался Валентин и повернулся к уже давненько поглядывавшему в нашу сторону пареньку: – Подгони карету! – Усач махнул рукой, промокнул платком вспотевшее лицо и пояснил: – Присмотрел тут себе в помощь. Самому на козлах сидеть не солидно. Не поймут.

– Ну да, ну да, – покивал я, а когда забрались внутрь, тихонько поинтересовался: – Надеюсь, его потом не придется... того?

– Нет-нет! Он меня возит по городу, и только.

– Ладно, едем куда?

– Ночью еще одну семью вырезали. Я распорядился, чтоб до вашего приезда ничего не трогали. Взглянете сами. Только, по-моему, никакой этот ублюдок не экзорцист, а просто в голове у него не все дома.

– Посмотрим, – вздохнул я и глянул в оконце на сторевшее здание с провалившейся крышей. Пристроенная к нему колокольня – закопченная, но ничуть не пострадавшая от огня, – маячила в полупрозрачной дымке утреннего тумана черным столбом, и по спине ни с того ни с сего побежали мурашки. – Это что же, молельный дом?

– Так и есть.

– И не отстраивают? – Судя по всему, пожар случился уже давненько, и, хоть находились мы в самом центре города, на пожарище никто не работал.

– Нет, – хмыкнул Валентин. – Местных в храмы Единения никто не загонял, они сами с радостью ересь приняли, еще и все до единого монастыри под шумок разграбили. Теперь на весь Рживи только пара молельных домов действует.

– Неудивительно, что у них столько бесноватых.

– И не говорите, командир. Темные людишки. До сих пор вспоминают, как им при старом герцоге жилось.

– Перетопчутся. – Я снял с цепочки перстень официала ордена Изгоняющих, надел его на указательный палец левой руки и поморщился – пусть кольцо и село как влитое, но с непривычки отвлекало, обхватывая фалангу массивной серебряной опухолью.

– А то ж! – согласился со мной усач и, на ходу распахнув дверцу, высунулся наружу: – А ну разойдись!

Перегородившие дорогу стражники – сонные, с капельками осевшего на усах и волосах тумана, совершенно одинаковые в своих коричневых мундирах, – послушно подались в разные стороны, и карета беспрепятственно проехала за оцепление. Там Валентин спрыгнул на мостовую, я последовал за ним и окинул взглядом толпившихся за редкой цепочкой стражей порядка молчаливых горожан. Скорее всего, новость об очередном убийственном экзорцизме широко распространиться не успела, и сейчас здесь ежились от утренней прохлады лишь соседи погибших.

– Сюда, ваша милость. – Выпростав из-под камзола цепочку со служебным жетоном, Валентин распахнул калитку невысокого декоративного заборчика и потянул меня к крыльцу, на котором стояли двое местных чинов.

Первый – полноватый, в бесформенном сером плаще – при нашем появлении откинул с седой головы капюшон и принялся нервно тереть в руках янтарные четки. А вот его спутник даже бровью не повел. Высокий и широкоплечий, с надменным лицом потомственного аристократа, он вырядился в обтягивающий дублет, бриджи для верховой езды и высокие кожаные сапоги, а с ремня свисали ножны с длинной дуэльной саблей. И глядел на нас этот важный господин если и не волком, то с плохо скрываемой неприязнью уж точно.

– Себастьян Март, официал ордена Изгоняющих, прибыл в Рживи специально для расследования этих жутких преступлений, – представил меня Валентин Дрозд. – Думаю, преподобный Ян Горач, настоятель монастыря Святого Марека Удильщика, и господин Ульрич, возглавляющий городскую стражу, не откажутся ввести вас в курс дела.

– При всем уважении к ордену Изгоняющих, – нахмурился глава стражи, – не думаю, что это дело относится к юрисдикции экзорцистов.

– При всем уважении к вашему мнению, – решил я расплатиться той же монетой, – в моей, и только моей компетенции решать, относится данное дело к юрисдикции ордена или нет.

– Как скажете, – раздраженно уставился на носки своих сапог Ульрич, давно велевший бы гнать обычного шпика взашей.

– Что здесь произошло? – Перехватив трость за середину, я отошел от крыльца и вновь глянул на особняк со стороны.

На дворянские хоромы он не тянул, но явно принадлежал человеку зажиточному. Два этажа, крытая черепицей крыша, застекленные окна, небольшой ухоженный сад. Сбоку каретный сарай, позади какие-то постройки.

– Убийство, – сквозь зубы процедил глава стражи.

– В доме проживали господин Кальмич с супругой, – поспешил вмешаться настоятель. – Им принадлежал склад у реки, и, когда хозяин не явился утром на работу, управляющий забеспокоился и отправил посыльного. Тот не смог достучаться и побежал за стражниками. Ну а они уж дверь и взломали...

– Дверь была заперта?

– Да. Изнутри.

– Кто еще входил внутрь?

– Те стражники и мы, – ответил Ульрич и отвернулся в сторону.

– Господин Дрозд распорядился дожидаться вас и ничего не трогать, – подтвердил Ян Горач.

– Ну что ж, давайте осмотримся, – вздохнул я, изучая вывороченный засов. – Как убийцы проникли в дом?

– Подломили дверь с задов, – пояснил Валентин.

– Ясно.

Я переступил через порог и сразу уловил неприятный запах смерти. Прошел через небольшую, скудно обставленную гостиную и, уверенно миновав ведущую на второй этаж лестницу, зашагал по темному коридору.

– Да, нам в кабинет, – засеменил следом настоятель.

– Ждите здесь.

Я заглянул в просторную комнату, но и там не учуял ничего особенного. Лишь бесы слегка шелохнулись, но они просто почуяли недавнюю смерть. Что, впрочем, и неудивительно – тут ведь не чернокнижник ритуал проводил, а экзорцист. Скверны здесь быть не должно.

Обогнув белевшее на полу тело покойника, я попросил Ульрича послать кого-нибудь снять ставни и вернулся к распятому на полу мертвецу. Именно – распятому. Имевших хождение в ордене Изгоняющих хитрых пут у побывавшего в доме убийцы не оказалось, и он без лишних затей прибил ладони и лодыжки жертвы гвоздями со странными квадратными шляпками. И прибывали хозяина дома к полу еще живым – вокруг ран на доски натекло достаточно много крови. Да и кляп опять же...

Я заглянул в мертвые глаза, присмотрелся к оставленному узким клинком треугольному отверстию на левом виске и поднялся с колен.

– Принесите фонари!

Сам отошел к письменному столу, заляпанному воском прогоревших свечей. В стоящем рядом канделябре тоже остались лишь огарки. Здесь же свернутый ковер и убранные к стене стулья.

Выходит, сначала освободили место, потом прибили хозяина к полу и провели ритуал. Но после убивать бедолагу зачем было? Смысл в этом какой?

Неужто инсценировка?

– Фонари, ваша милость, – пробасил из коридора не решившийся войти в комнату стражник.

Я забрал у него светильники, поставил один в угол, другой на стол. Глянул на исписанные едва различимыми письменами пол с потолком и обреченно вздохнул: похоже, мы тут надолго. Нет, инсценировкой и не пахнет. Какая инсценировка, право слово...

– Присаживайтесь, господа, – указал я на стулья, предварительно отставив в сторону один из них – с отпечатками подошв на сиденье. – Осмотр займет несколько больше времени, чем мне представлялось вначале.

Глава стражи и настоятель без лишних вопросов последовали моему совету; Валентин уселся на подоконник.

– Свет не загораживай! – потребовал я и вернулся к телу, вписанному в неровный пентакль.

Пятиконечная звезда оказалась обведена кругом, рядом с каждой из вершин в застывшей лужице воска чернел фитиль прогоревшей свечи. Ничего интересного – на такое художество любой школяр способен. Куда больше заинтересовали тянувшиеся вдоль окружности письмена, призванные запереть скверну внутри. И – что было совсем уж из ряда вон – по потолку протянулась еще одна цепочка аккуратно выведенных углем на побелке букв.

Для обычного ритуала изгнания – предосторожность совершенно излишняя. А тут впечатление такое, будто к прорыву из Бездны готовились. Или к столь мощному выбросу потусторонней силы, словно Высшего потрошить собирались.

Странно. Столько мороки и все ради чего? Ради обычного убийства?

Странно и непонятно.

Я подошел к столу, выдвинул верхний ящик и сразу наткнулся на чистый лист писчей бумаги. Бронзовая чернильница с откидной крышечкой оказалась полна, да и перья хозяин держал острозачерненными. Вот и пригодятся.

Не обращая внимания на заинтересованные взгляды, опустил перо на корточки и, следя, чтобы перо не попало в щель меж досок, принялся переписывать нанесенные на пол письма. Отдельные формулы были знакомы, но конкретно эту молитву встречать раньше не доводилось.

– Позже мы пришлем монастырского писаря зарисовать здесь все, – поерзав на стуле, сказал Ян Горач.

– Непременно пришлите. – Я макнул перо в чернильницу и продолжил переписывать молитву. Закончил с полом и запрокинул голову к потолку, но нет – там тянулись двойники уже скопированных писем. – И мне потребуются все материалы по предыдущим убийствам.

– Как скажете, – легко согласился настоятель.

Я несколько раз помахал в воздухе листом, а когда чернила немного подсохли, отложил его на стол и, сцепив пальцы, хрустнул костяшками. Внимательно оглядел собравшихся и попросил:

– А теперь, господа, попрошу вас не вмешиваться, что бы ни происходило.

И, сняв серебряный перстень официала, вплотную подступил к защитному кругу, который до того старательно не пересекал. Задержал дыхание, попытался понять, что там, внутри, но ничего особенного не уловил и нервно поежился.

Ну, не могут все эти меры предосторожности быть напрасными! Двойная молитва – не шутка. Тем более на потолке ее выводить – та еще морока.

Вот ведь!

Поборов нерешительность, я переступил черту, уловил легкое подобие непонятого сопротивления и недоуменно уставился на распростертое у ног тело.

Ничего! Абсолютно ничего!

Что внутри круга, что вовне – никакой разницы. Никаких отголосков проведенного ритуала изгнания.

Так чего ради весь этот огород городили?

Едва удержавшись от крепкого словечка, я опустил на одно колено и осторожно дотронулся до шеи мертвеца. Ощутил слабые отголоски скверны и недоуменно нахмурился.

Ничего не понимаю. Если все было всерьез, то почему не развеяло скверну? А если это инсценировка, то к чему такие сложности с изрисованным священными письмами потолком? К тому же совершенно ясно, что бесноватым хозяин дома не был. Пропустил пару исповедей, не более того.

– Что-то не так? – забеспокоился позабывший про мое распоряжение настоятель.

– Не уверен.

Я вышел из пентакля и глянул в окно. Совсем рассвело уже. И туман как корова языком слизнула. Изрядно провозился.

– И что скажете? – поднялся со стула глава стражи. – Кому отойдет расследование?

– Ничего пока не скажу. – Я свернул листок с переписанной молитвой и потребовал: – Покажите черный ход.

– Извольте, – поспешил в коридор Ян Горач.

Ульрих с нехорошей ухмылкой глянул ему вслед, но больше никак выказывать свое презрение к монашеской братии не стал.

По темному коридору мы прошли через дом, и я обратил внимание на распахнутую дверь кладовки. Мимоходом заглянул туда, увидел поднятую крышку обитого железными полосами сундука, но акцентировать на этом внимание спутников не стал. Вышел на задний двор, пере-

вел взгляд с цветочных клумб на тропинку, испещренную многочисленными отметинами ботинок, и спросил:

– Откуда грязь?

– У забора грядки вскопаны, – просветил меня Валентин.

– В дом никто не заходил, – зло глянул я в ответ, – а здесь, похоже, вся городская стража побывала?

– Мы собаку пускали, – невозмутимо заявил Ульрич.

– И?

– На соседней улице след потеряла.

– Ясно. – Я обошел цветочные клумбы и под одним из окон обнаружил свежий отпечаток сапога. – Здесь тоже ваши люди наследили?

– Нет, – уверенно заявил глава стражи. – Я за ними присматривал.

– Похоже, сначала собирались взломать ставню, – предположил я, разглядев на потемневшем от непогоды дереве светлую вмятину. – Но передумали и выбили дверь. Соседи шума не слышали?

– Нет, – тяжело отдуваясь, ответил настоятель. – Тут далеко. А так бы непременно стражников кликнули, вы не сомневайтесь даже.

Я еще раз окинул взглядом задний дворик, вернулся в дом и, внимательно посматривая под ноги, прошел в кладовку. Заглянул в сундук, забитый переворошенным тряпьем, осветил фонарем и сразу заметил грязный отпечаток узкого сапога. Все верно – в коридоре следы затоптали, а по комнатам стражники не бегали.

– Где жена?

– В спальне на втором этаже, – сообщил мне настоятель. – Только там зрелище неприглядное...

– Тогда снаружи останьтесь, – отрезал я и по лестнице поднялся на второй этаж. Заглянул в спальню и поморщился. Вот уж действительно неприглядное.

Взяли супругов прямо в постели. Вот только если хозяину сунули кляп в рот и уволокли на первый этаж, то женщину здесь и удавили. При жизни она была дамой пусть и в теле, но довольно привлекательной, и вид ее мертвого тела шокировал куда больше, нежели распятый внизу мужчина.

В разорванной ночной рубаше, со связанными руками и затянутым на шее обрывком грубой веревки...

У меня аж опустилось все внутри. Не люблю.

Я отвел взгляд и начал рассматривать учиненный в спальне разгром. Разбросанные подушки, сбитое одеяло, сдернутая на пол простыня, вся истоптанная вязавшими хозяев налетчиками...

Распахнув закрывавшие окна шторы, я присел на корточки и принялся разглядывать грязные отпечатки на льняном полотне. Обычные ботинки, точно такие же на сиденье стула отметились. А вот сапог с клумбы не хватает.

И что интересно – несколько следов оказались полусмазанными. Будто подошва сильно стоптана с внешней стороны. Странно, в остальном-то ботиночки совершенно не сношены.

– Вы не закончили еще? – поторопил меня прислонившийся к косяку Ульрич.

– Нет, – ответил я и, поборов совершенно неуместную сейчас брезгливость, опустился к мертвой женщине и пригляделся к затянутой у нее на шее веревке. Обычная пеньковая веревка, в любой лавке такой хоть пруд пруди.

А вот синяки... Одна багровая черта, вторая, третья. Отметины шли в несколько рядов, накладываясь друг на друга, будто убийца никак не мог удавить жертву и затягивал веревку снова и снова.

Не мог? Или не хотел?

Не хотел задушить сразу? Пытал?

С какой целью?

– Ну все, идемте. – Отряхнув колени, я вышел в коридор, спустился на первый этаж и уже там принялся хлопывать себя по карманам.

– Что-то потеряли? – забеспокоился настоятель.

– Одну минутку! – Сунув трость Валентину, я заскочил в кабинет с мертвым телом, выставил стул на середину и, ступив на него, попытался дотянуться до потолка.

Куда там!

Росту с пол-локтя не хватает, никак не меньше. А ведь меня к коротышкам не отнести. Кисть или палку использовали? Не уверен. Уж очень четко буквы выведены.

Вот и еще одна зарубочка. А их немало уже накопилось, вовсе немало.

Спрыгнув на пол, прежде чем меня успели застать стоящим на стуле, я вернулся в коридор и зашагал на выход.

– Преподобный, где я могу просмотреть монастырские записи?

– В ратуше, вероятно... – замялся Ян Горач и неуверенно глянул на главу стражи.

– Я переговорю насчет места, – кивнул Ульрич.

– Вот и замечательно, – улыбнулся я. – Если обойдемся без проволочек, думаю, уже к полудню смогу сформулировать мнение ордена по поводу этих убийств.

5

С бумагами в итоге пришлось провозиться до самого вечера – в тесной полутемной комнатушке, за низенькой конторкой, балансируя на шатком стуле. В итоге под конец дня глаза слезились, спину невыносимо ломило, а желание дать в морду Ульричу стало самой настоящей навязчивой идеей. Договорился насчет кабинета, гад...

Но иначе – никак. Пришлось просмотреть восемь папок, и если по первым убийствам записи ограничивались одним-двумя рапортами с места преступления, то со временем дела пухли и едва умещались в стопках в пару пальцев толщиной.

Вот только увеличение объема на пользу содержательности не пошло. Монастырские чинуши в ожидании неминуемых проверок просто-напросто пытались прикрыть свою задницу и лили воду, довольно неуклюже имитируя тщательное расследование.

И теперь я с головой увяз во всей этой писанине, с трудом вычлняя укладывающиеся в общую схему факты и отделяя от них домыслы, не имеющие никакого отношения к случившемуся.

Восемь случаев, семнадцать убитых. Жертвы большей частью люди зажиточные, но были среди них и скорняк, и плотник. Обычно совершалось два преступления кряду с разницей всего в несколько дней, а затем следовал перерыв в пару декад.

Способ убийства во всех случаях одинаков – женщин душили, мужчин закалывали, а жертвам ритуала пробивали висок узким трехгранным клинком.

Нанесенные на пол и потолок святые письмена оказались молитвой «О противлении скверне». Вот только круг подозреваемых это не сузило, поскольку составил ее один из духовных последователей особо почитаемого в местных краях Иоанна Грамотея.

И да – гвозди со столь приметными шляпками в Рживи не продавались. Стоит учесть на будущее, а то как бы чего не вышло.

Отложив в сторону последнюю папку, я потянулся, хрустнул позвонками и выбрался из-за конторки. Разрешил караулившему у дверей службе вернуть бумаги в монастырский архив и зашагал на выход. Поигрывая тростью, вышел на крыльцо ратуши и с наслаждением вдохнул свежего воздуха. После дня, проведенного в затхлом и пыльном помещении, – словно бальзам на душу.

– Что-то вы припозднились, господин Март, – немедленно оказался рядом Валентин Дрозд. – Все извелись уже...

– Список молитвы у тебя?

– Да.

– Не потеряй.

– Понадобится еще, что ли?

– Непременно.

Заранее открывать все карты не хотелось, к тому же из подъехавшей к ратуше кареты уже выбирался господин Ульрич. И не один, а в сопровождении того самого странного парнишки с разгромленного постоянного двора. Я немедленно повернулся к ним спиной, нахлобучил на голову шляпу и тихонько спросил Валентина:

– Видишь того хмыря? Если пойдет сюда – предупреди.

– Как скажешь. – Дрозд оглянулся и, не скрывая удивления, поинтересовался: – А что?

– Ты, главное, предупреди. – Мне оставалось лишь уповать на сгустившиеся сумерки да невнимательность парня после явно не самой лучшей ночи в его жизни. – Знаешь, кто такой?

– Племянник Ульрича. Чем по жизни занимается, не интересовался. Все, парень уходит, служивый к нам идет. А вон и преподобный ковыляет.

Я с облегчением перевел дух и уже совершенно спокойно обернулся к взбегавшему по ступеням главе стражи. Следом, тяжело отдуваясь, поднимался настоятель монастыря.

– Ну и каков будет вердикт? – Выражение породистого лица Ульрича не оставляло никаких сомнений в том, что ответ ему заранее неприятен.

– Вы были совершенно правы, – развел я руками, – это дело никоим образом не относится к юрисдикции ордена.

– Что? – подобно выброшенной на берег рыбине разинул рот Ян Горач. – Как же так? А ритуал изгнания?

– Не было никакого ритуала изгнания. Убийцы просто нарисовали пентакль вокруг тела убитого да использовали для отвода глаз текст молитвы. Любой экзорцист даст заключение, что перед смертью покойный не был очищен.

– И у вас есть такое заключение?

– Будет к утру, – уверенно заявил я и улыбнулся стражнику: – Так что вам, как говорится, и карты в руки.

– Что-то можете посоветовать? – поджал Ульрич губы.

– Пляшите от текста молитвы. Вряд ли простой человек помнит его наизусть и тем более способен написать, не допустив ни единой ошибки. Скорее всего, это кто-то с соответствующим образованием.

– Да всех уже по пять раз перепроверили! И ведь был на примете один семинарист недочившийся, так этому прощельге свезло к детям маркиза Левича репетитором устроиться! Не было его в городе, специально проверяли...

– Ищите дальше, – пожал я плечами и повернулся к обильно потевшему Яну Горачу: – А вы, преподобный, будьте любезны, предоставьте к завтрашнему утру ваши соображения о причинах столь частых случаев бесноватости. Боюсь, мне на какое-то время все же придется в городе задержаться.

– Разумеется, – пролепетал настоятель.

Я ободряюще похлопал его по плечу и окликнул заскучавшего Валентина:

– Господин Дрозд, а где поблизости можно перекусить? У меня, понимаете ли, за день маковой росинки во рту не было.

– Я вас провожу, – предложил усач, а, когда мы вышли за ограду ратуши, настороженно оглянулся и прошипел: – Вы что такое, командир, творите?

– А что?

– Вы не собираетесь расследовать убийства?!

– Нет. С какой стати?

– Но ведь...

– Официально расследовать убийства и отыскать убийц – это несколько разные вещи, – пояснил я свою позицию. – Тем более что поводов для расспросов у меня и без того хватает.

– А как же помощь местных властей?

– От такой помощи один вред. И довольно об этом. Я голоден как волк.

Валентин только горестно вздохнул и указал на здание с другой стороны улицы, на веранде которого помаргивали оранжевыми огонечками многочисленные фонари:

– Сядем на улице или пойдем внутрь?

Я поежился из-за вечерней прохладцы, потом припомнил тесную затхлую комнатуху и решил:

– На улице.

Нам удалось без труда отыскать свободный столик, благо почтенная публика предпочитала ужинать в обеденной зале, и Валентин отправился делать заказ. Я какое-то время прислушивался к доносившемуся из распахнутого окна стуку столовых приборов, гулу голосов и треньканью развлекавшего посетителей музыканта, потом глянул на вернувшегося Дрозда и

поморщился. Усевшийся напротив усач скорчил столь недовольную гримасу, что немедленно захотелось со всего размаху засветить ему в лоб чем-нибудь тяжелым.

– Тебе и в самом деле все разжевывать надо? – обреченно вздохнул я.

– Было бы неплохо, – подтвердил Валентин.

– Вино заказал?

– Заказал.

– Хотя какая-то польза от тебя, – не сдержался я, потом махнул рукой и склонился над столом: – Ладно, слушай. Стражу посвящать в расследование нельзя?

– Нельзя, – кивнул усач.

– А не будем сотрудничать, они заподозрят неладное. Меньше всего, знаешь ли, мне хочется, чтобы в затылок дышал десяток топтунов.

– Но расследование...

– Ты же понимаешь, что расследование в любом случае не должно завершиться успехом? В этом весь смысл, разве нет? Так к чему ввязываться в изначально обреченное на неудачу дело? Нет, мы будем держаться от него в стороне, а потом найдем козла отпущения и смешаем его с грязью.

– Имеете в виду Ульрича?

Я жестом велел Валентину замолчать и радушно улыбнулся девушке в пышном цветастом платье, тащившей к нашему столу огромный поднос. Выставив два здоровенных блюда с тушеной капустой и жареными сосисками, тарелку с хлебом, пару пустых кружек и кувшин вина, разносчица удалилась, и тогда Дрозд повторил свой вопрос:

– Хотите утопить Ульрича?

– Его племянник водит знакомство с дурной компанией. Думаю, и дядя замаран в чем-нибудь нехорошем по самые уши. Стоит лишь копнуть...

Я откусил оказавшуюся невероятно острой сосиску, поспешно заел тушеной капустой и хлебнул водянистого вина. С голодухи сойдет, но завтра придется какое-нибудь более приличное заведение отыскать. Если тут столоваться, изжогу точно заработаю.

– Как у вас все просто получается, – попивая вино, глянул на меня поверх кружки Валентин. – А как на убийц тогда выйдем? У нас четыре дня осталось...

– Убийцами займутся Гуго и Берта. А ты слушай и запоминай, передашь им все слово в слово.

– Весь внимание, – съязвил усач.

– Ну-ну. – Я оглядел темную улицу и спешащих по делам горожан, изредка нырявших в гостеприимно распахнутые двери увеселительных заведений, вздохнул и начал инструктаж: – Убийц трое, двое приезжих, один местный. Жертв подбирает именно он.

– Подождите, подождите! – опешил сразу ухвативший мою мысль Дрозд. – Так вы действительно полагаете, что это простые ограбления? Бред! Убийц весь город ищет!

– И еще долго искать будет, потому как ищут их совсем не там.

– Но идти на такой риск...

– Они обчистили семь или восемь домов, а у стражи нет ни одной зацепки. А что до жертв... ну так люди убивают и за меньшее.

– Не знаю, не знаю, – засомневался Валентин. – Немногие пойдут на такие злодеяния лишь ради золота. Это же на всю голову больным надо быть!

– Банда душевнобольных? – ухмыльнулся я. – Нет, это простудой все вместе болеют, а с ума поодиночке сходят.

– Ладно, оставим это пока. – Дрозд стряхнул налипшую на ус капусту и подался вперед. – Но ведь тогда получается, что сейчас убийц может в городе и не быть! И что будем делать?

– Они здесь. Два нападения следуют одно за другим, далее идет перерыв в пару декад.

– Тогда у нас нет даже четырех дней...

– Ты будешь меня слушать, нет? – Я начал понемногу терять терпение. – Или до ночи тут сидеть собираешься?

– Слушаю, слушаю...

– Насчет наводчика ничего не скажу, а вот приезжие – люди заметные. Один длинный – выше меня на голову, если не более; второй прихрамывает на правую ногу и любит душить женщин.

– Пытает так?

– Скорее с головой проблемы. Скажи Берте, пусть местных гулящих девок расспросит; о таких случаях в их среде слухи влет расходятся. И не обязательно сразу душителями интересоваться, просто людьми жестокими и склонными к насилию.

– По наводчику ничего?

Я припомнил распотрошенный сундук с одеждой и задумался.

– Он либо мот, либо жмот. Или сорит деньгами, или за грош удавится. Приезжие, те, скорее всего, покутить любят. Вина выпить да с девками покувыркаться, чтобы нервишки в порядок привести. Как-никак под петлей ходят.

– А мы чем займемся?

– А мы будем действовать всем на нервы. Заодно попробуем понять, почему в городе столько бесноватых.

– Понятно, – кивнул Валентин. – Насчет этого вам с экзорцистом переговорить надо.

– Как он, кстати?

– Мальчишка, – презрительно махнул рукой Дрозд. – Первое назначение. Зелен настолько, что, будь яблоком, и кусочка бы не откусили.

– И где это юное дарование сейчас?

– В имение маркиза Левича с утра умотал. У того со старшей дочерью несчастье приключилось.

– Одержима?

– Ну да. Вот наш юный экзорцист и решил этим случаем самолично заняться.

– Молодец.

– Молодец-то он молодец, – дернул себя за ус Валентин. – Но понять не могу, с какой стати к нам этого юнца приставили! Теперь возиться с ним...

Я только покачал головой и ничего на завуалированный вопрос отвечать не стал. Во-первых, сам терялся в догадках, а во-вторых, иной раз языком не трепать лучше. Всякий должен знать лишь то, что ему для работы знать нужно, и не более.

– Так я пойду? – приподнялся со стула Валентин.

– Расплатись и иди, – разрешил я.

– Хм... – поморщился усач, но за кошельком все же полез.

– Не обеднеешь, – усмехнулся я, и тут на веранду заскочил какой-то растрепанный парнишка.

– Господин Дрозд! – с ходу заголосил он. – Господин Дрозд!

Валентин от неожиданности едва не рассыпал монеты и зло шикнул на посыльного:

– Ну-ка, цыц! Что визжишь?

– Его сиятельство за вами послал. Велел срочно быть. Без промедлений.

Усач беззвучно выругался, на миг закрыл глаза и очень спокойно и даже ласково спросил:

– Случилось что?

– Ничего не знаю, ваша милость, – замотал головой щербатый мальчонка.

– Да брось, – добродушно улыбнулся Дрозд. – Ты и не знаешь? Да вовек не поверю!

– Всеми Святыми клянусь, просто за вами ехать велели.

– А ну отвечай! – Валентин ловко ухватил посыльного за ухо и, выкручивая, зашипел: – Ну-ка выкладывай все, быстро!

– Не надо! – взвизгнул приподнявшийся на цыпочки парнишка. – Это из-за Вероники!
– Старшей дочери? – сообразил я.

– Да! – шмыгнул носом пацан. – Экзорцист как утром с ней заперся, так и не выходит. И беспокоить запретил. А духовник тревогу поднял, мол, давно все закончиться должно было!

Дрозд вопросительно глянул на меня; я утвердительно кивнул. Целый день одной бесноватой заниматься? Ерунда какая-то. Не иначе что-то нехорошее приключилось. Ох, навязали юнца на мою голову!

– Возвращайся и передай – сейчас буду. И официала Изгоняющих с собой привезу. Так, ваша милость?

– В комнату пусть не суются только! – предупредил я, а когда парнишка убежал, в сердцах выругался: – Бесов праздник!

– И не говорите! – Валентин выложил несколько медяков и поднялся из-за стола. – Маркиз в дочурке души не чаёт, если с ней что-то случится, он с нами и разговаривать больше не станет.

– погоди! – Я ухватил подручного за рукав и дернул обратно. – Ты куда?

– Велю карету заложить.

– Еще разыщи Берту, пусть монашкой оденется. – Ситуация представлялась безрадостной, и *госпожа* в рукаве точно не помешает. – И карету сам поведешь. Ясно?

– Как скажете.

Дрозд убежал; я допил вино и вышел на улицу. Ну почему никогда ничего не может пройти, как задумывалось, – без сучка, без задоринки? Почему вечно такая вот ерунда получается? То понос, то золотуха.

Матерно поминая втравившего нас в нехорошую историю экзорциста и попутно взывая к Святым, чтобы все обошлось, я дождался подогнавшего к харчевне карету Валентина, забрался внутрь и с ходу одернул вознамерившуюся пересесть ко мне Берту:

– Не надо!

– У нас разве не свидание? – изогнула бровь циркачка, остававшаяся привлекательной даже в строгом монашеском одеянии. – Ну признайся, что это твоя тайная фантазия...

С трудом сдержавшись, я досчитал до десяти и только после этого произнес:

– Мы едем работать, поэтому будь добра – веди себя прилично.

– И скучать всю дорогу?

– Мне надо подготовиться. Будешь отвлекать, высажу и отправлю в город пешком.

– А если в дороге на меня кто-нибудь нападет? Тебя это не беспокоит?

– С чего бы мне беспокоиться за какого-то совершенно незнакомого бедолагу? – Я отложил трость на сиденье, несколько раз дыхнул на перстень и потер его о рукав.

– Хам! – поджала губы девушка.

– Последнее предупреждение.

– Ничего не хочешь мне рассказать?

– У кого одежду стащила? – вздохнул я. – В смысле, кто небесный покровитель ордена?

– Юлина Затворница.

– Ну, может, хоть это на тебя повлияет.

– Ты считаешь меня распутной?

– Опять начинаешь?

– Я всего лишь хотела узнать, что придется делать!

– Ничего особенного. – Я выглянул в оконце, но на улице уже сгустилась темнота. По крыше зашуршал мелкий весенний дождик, а карета запрыгала на дорожных колдобинах. – Старшая дочь маркиза одержима, а с нашим экзорцистом приключилась какая-то беда. Пока буду приводить его в чувство, присмотришь за девицей. Просто не пускай к ней никого, и все.

– Никого?

– Никого. Ни родителей, ни духовника. Даже экзорциста, пока не разрешу.

В это время тряска пошла на убыль, и впереди на фоне ночного неба замаячил силуэт сторожки. Валентин придержал лошадей, перекинулся парой слов с охранником, и тот без промедления принялся отворять ворота.

На всякий случай я погрозил Берте пальцем, а стоило карете остановиться у потерявшегося в темноте здания усадьбы, сразу выбрался на улицу. Подал руку девушке, дождался Дрозда и зашагал вслед за ним к дому.

Хозяева встретили нас в гостиной. Маркиз оказался дородным здоровяком с заметно поредевшей шевелюрой и веселым лицом записного балагура, выпивохи и бабника. На его фоне супруга – миниатюрная шатенка, чью идеальную фигуру не могло испортить даже строгое, с высоким, под горло, воротником платье, – смотрелась хрупкой девицей.

– Ну наконец-то! – воскликнул невысокий молодой человек с изъеденным мелкими оспинками лицом, которого мы поначалу просто не заметили. Судя по темному одеянию, четкам и отсутствию фамильного сходства, нервы не выдержали у духовника.

Валентин раздраженно глянул на него и поспешил взять ситуацию под контроль.

– Ваше сиятельство! – Он выступил вперед и указал на меня: – Позвольте представить Себастьяна Марта, официала ордена Изгоняющих. Он разберется в случившемся.

– Спасите мою девочку, – попросила маркиза и промокнула кружевным платочком выступившие на глазах слезинки.

– Успокойся, Изабелла! Все будет хорошо! – пробасил Левич и, скрестив руки на туго обтянутой камзолом груди, уставился на меня: – Ведь так?

– Без всякого сомнения, – подтвердил я.

– Вот видишь, дорогая? – повернулся маркиз к супруге. – Не переживай ты так, право слово...

– Тебе хорошо говорить! – всплеснула руками Изабелла и, шурша длинным платьем, выбежала из комнаты.

– Женщины! – только и вздохнул Левич.

– Не стоит терять время, – заторопился я.

– Ференц, проводи, – распорядился маркиз, но духовник и не подумал сдвинуться с места.

– Могу я увидеть ваши бумаги? – вместо этого спросил он.

– Нет. – Я поднес к лицу священника руку с серебряным перстнем. – Разве этого вам недостаточно?

Ференц сделал над собой усилие и, не став нарываться на скандал, указал на арку:

– Сюда.

Коридор привел нас в украшенный гобеленами холл. На висевшей под потолком люстре горело несколько свечей. На стенах в золоченых рамах темнели картины, за портьерами ждали своего часа тени.

– Они там, – остановился духовник у одной из дверей. – Уже с утра.

– Разберемся.

Я начал расстегивать пуговицы камзола и присмотрелся к Ференцу, которого так и колодила нервная дрожь.

Беспокоится за подопечную или за свою карьеру? Как ни крути, скверну в девушке он проглядел. А для молодого честолюбивого священника оправиться после такого потрясения будет совсем непросто. Ему б расположение маркиза теперь сохранить...

– Себастьян, вам что-нибудь понадобится? – Вслед за нами в холл прошел маркиз, баюкавший в огромной лапище хрустальный бокал. – Может, глоток бренди?

– Не стоит.

– Не одобряете?

– «Это только вино, что в нем грех?» – ответил я высказыванием небезызвестного в Акрае преподобного Эдмунда. – Позже. А теперь велите зажечь все свечи. Чем светлее здесь будет, тем лучше.

И в самом деле – если одна из теней умудрится прошмыгнуть в комнату, мало не покажется. *«Ритуалы изгнания младших бесов», том первый, глава «Тени как двери в потусторонний мир».*

– Сейчас же распоряжусь. – Левич отпил бренди и во всю глотку заорал: – Миклош! Миклош, где тебя бесы носят?!

– Что угодно, ваше сиятельство? – заскочил в холл прибежавший на зов мажордом.

– Если через две минуты не будут гореть все свечи, велю тебя выпороть на конюшне! – заявил маркиз и с интересом уставился на скромно стоявшую в сторонке Берту: – Может быть, даме вина?

– Ей нельзя, – немедленно оказался рядом перехвативший мой взгляд Дрозд, – а вот я бы от бренди не отказался.

– И это правильно! – рассмеялся Левич и крикнул: – Миклош, бокал Валентину!

Разогнавший слуг мажордом самолично выполнил распоряжение, и вскоре мой помощник уже смочил усы в ароматном напитке. И пусть его – лишь бы хозяина дома отвлек.

Дождавшись, когда разожженные свечи заставили расползтись тени по совсем уж далеким закуткам, я оценивающе прошелся по холлу и велел выставить дополнительный канделябр. Затем толкнул дверь, но она оказалась заперта. Присел на корточки, глянул в щель и попросил усача:

– Валентин, нож.

Тот немедленно выудил из-за голенища сапога наваху, разложил ее и передал мне. Я просунул в щель клинок, откинул крючок и, переступив через порог, захлопнул дверь, прежде чем кто-либо успел заглянуть внутрь.

А захлопнув, подался назад и постарался лишней раз даже не дышать. Нет, на первый взгляд в комнате был полный порядок: на кровати лежала девица в длинной ночной сорочке, рядом стоял затянутый в черную кожу экзорцист. И никаких теней – комнату заливало ослепительное сияние запроваженных специальным маслом лампад.

Одна лежит, другой стоит. И оба – не шевелятся. Вообще. Просто неподвижно замерли на месте, и никак на мое появление не отреагировали.

Дождавшись, когда сердце перестанет бешено колотиться, я шагнул к прочерченному мелом защитному кругу и пригляделся к прогоревшим более чем на три четверти толстеным свечам в изголовье кровати и на резных деревянных стойках.

Порядок. Скверны в комнате не чувствовалось тоже – не иначе экзорцист первым делом ее молитвами выжег.

Так что же тогдастряслось?

Оставаясь у защитной черты, я посмотрел на бесноватую, набухшие соски которой заметно оттопыривали легкую ткань ночнушки, и неожиданно почувствовал к ней нешуточное влечение. Захотелось запустить руки под сорочку и гладить, гладить нежное тело. Гладить – и не только...

Странное наваждение накатило с невиданной силой; попытался его сбросить – и не смог. Как не смог и отвести взгляд. Просто стоял и смотрел, смотрел, смотрел...

А в голове билась одна-единственная мысль: не смей, не смей, не смей переступить защитный круг! Нарушишь ритуал – и ты пропал.

Точно! Ритуал!

Сознание слегка прояснилось, и стала понятна причина произошедшего.

Это все похоть. Просто похоть.

А точнее – сделавший ее своим орудием нечистый. Классический случай «кельмской блудницы».

Любому опытному изгоняющему работы на пять минут, а вот не ожидавший подвоха мальчишка положенной в таких случаях защитой пренебрег и угодил в ловушку.

Сопляк!

Мне-то еще простительно, как ни крути, на одних лишь голых способностях далеко не уедешь, а вот дипломированному экзорцисту такая безалаберность не к лицу.

В глубине души заворочались бесы, и пришлось придавить их своей волей, ввергая обратно в темницу. Получилось. Пока – получилось. А вот когда переступлю защитный круг...

И ведь переступлю – факт.

Я постарался припомнить встречавшиеся в книгах описания подобных случаев, но, как на грех, ничего путного в голову не шло. Спасать в этой ситуации могла лишь духовная чистота. *«Бесноватость как она есть», раздел «Старшие бесы», глава «Кельмская блудница и прочие порождения похоти».*

А откуда взяться благочестию у состоящего на государственной службе убийцы, ведущего к тому же далеко не самый праведный образ жизни?

Я с досады скрипнул зубами, дернулся, но лишь покрылся с головы до ног испариной. Вновь попытался отвести взгляд, и вновь потерпел неудачу. Несколько раз глубоко вздохнул и как-то невзначай отметил, сколь похожа бесноватая девица на свою мать. Практически одно лицо. Еще б юношеские прыщи убрать...

Хотя, если уж на то пошло, фигура у маркизы поинтересней. И грудь, несмотря на возраст, выше, и талия уже. Выбирай я, с кем из них провести сегодняшнюю ночь, – у шестнадцатилетней девчонки не было бы ни единого шанса оказаться в моей постели.

Маркизе, той никаких чар не надо, чтобы мужика с ума свести. Как, впрочем, и Берте. Кстати, о Берте...

Заставить себя не думать о привязанной к кровати девице оказалось непросто, но в итоге мне все же удалось отвести взгляд в сторону. Немедленно накатила тошнота, колени подогнулись, и я уселся прямо на пол, едва не перевернув стоявшую рядышком лампаду.

Сил не осталось даже вытереть пот с лица, в голове звенело, а перед глазами все плыло, и прыгали мерзкие серые точки. Заточенные в душе бесы вознамерились взять реванш, но у меня вновь получилось загнать их обратно.

Вот ведь неугомонные!

Кое-как отдышавшись, я обхватил колени руками и шумно выдохнул. Дико хотелось выпить и заняться кое-чем, к делу не относящимся, вот только расслабиться было рано. Пусть сам я чары превозмог, но с этими-то страдальцами что теперь делать?

Экзорцист увяз накрепко; смогут ли ему помочь местные священники – большой вопрос. К тому же за это время свечи успеют прогореть, а без них выставленная монахом защита не удержит угнездившуюся в душе бесноватой тварь. Боюсь, тогда парнишка перед искушением не устоит и порождение Бездны выжмет из него все соки. А потом такое начнется...

В итоге братия из окрестных монастырей беса, конечно, обуздает, да только на карьере экзорциста в этом случае придется поставить большой жирный крест. Бьюсь об заклад, всю жизнь в архивах просидит. А раз Малькольм Паре имеет на него какие-то виды, мне тоже не поздоровится.

Нет, разумеется, я и сам мог провести ритуал изгнания. Но одно дело – с кровью и мясом вырвать беса из души человека, и совсем другое – сделать так, чтобы тот сам решил убраться в Бездну. Как бы после моего вмешательства девушка всю оставшуюся жизнь на кровати живым мертвецом не провалялась. К тому же сознания бесноватой и экзорциста сейчас связаны, поэтому достанется им обоим. Да и рискованно влезать в чужой ритуал. Рискованно в том числе и для меня самого.

Куда ни кинь, всюду клин.

В идеале надо каким-то образом привести этого лопуха в чувства, и пусть сам свою кашу расхлебывает. Вот только как это сделать?

Еле ведь выпутался. Повезло просто, что проблем с женским полом никогда не испытывал, а если парнишка ничего слаще морковки не ел, как ему помочь?

Как? Хм... должно выгореть...

Я с кряхтением поднялся на ноги, подошел к экзорцисту и помахал у него перед лицом ладонью – никакого эффекта. Осторожно запустил руку под полумаску, прикоснулся к сведенной судорогой шее и с трудом уловил редкий-редкий пульс.

Да уж, плохи дела. Совсем мальчик деревянный. Его сейчас на две табуретки опусти, так и останется скамейкой лежать. С другой стороны, мне же проще – хоть сопротивляться не будет.

Звякнув из чистого хулиганства нашитым на шляпу колокольчиком, я еще раз обошел комнату, убедился, что ничего не упустил, и выскользнул в холл, не забыв плотно прикрыть за собой дверь.

– Ну что?! – всполошилась маркиза. – Что с Вероникой?!

– Все в порядке, ваше сиятельство, – ответил я и отпихнул назад вознамерившегося прошмыгнуть в комнату духовника. – Берга, дверь.

Фальшивая монашка немедленно заступила на караул и так глянула на Ференца, что тот поспешил отойти.

– Могу я видеть дочь? – спросила Изабелла, перехватила мой взгляд и несколько даже покраснела. – Себастьян, вы так смотрите... Что стряслось?

– Извините, ради Святых! – охнул я. – Вы с дочерью буквально одно лицо, вот я и растерялся.

– Да-да, – расхохотался маркиз Левич и сунул мне в руку до краев наполненный бренди бокал, – я будто и не участвовал вовсе.

– Угомонись! – одернула его супруга. – Нашел время! Что с нашей доченькой, Себастьян?

– Ритуал почти завершен, но случай оказался более сложным, и брат-экзорцист не рассчитал своих сил. Ему понадобится небольшая помощь, и только. – Я одним глотком выдул едва ли не полбокала выдержанного напитка и блаженно перевел дух. Ну вот, одну потребность удовлетворил. – Дальше будет проще...

– Небольшая помощь? – понимающе глянул на мою промокшую насквозь рубаху маркиз. – Да с вас, дорогой друг, едва ли не семь потов сошло.

– Подожди! – вновь забеспокоилась Изабелла. – Что от нас требуется?

Я посмотрел в ее серые глаза и замаялся:

– Ваше сиятельство, не считите на свой счет, но об этом хотелось бы переговорить с вашим супругом наедине...

– Хотите сказать, это не женского ума дело?! – моментально встала на дыбы маркиза. – Речь идет о моей дочери!

– И в мыслях ничего такого не было! – поспешил я успокоить хозяйку. – Просто воспитание не позволяет мне говорить о некоторых вещах при дамах.

– Дорогая, оставь нас, – пробасил Левич и окликнул присевшего на краешек дивана духовника: – Ференц, составь компанию Изабелле.

– Но...

– Идем, Ференц, – позвала его оскорбленная до глубины души маркиза, уже на выходе обернулась и со слезами на глазах спросила: – С Вероникой точно все будет в хорошо?

– Готов поклясться честью.

– Достаточно вашего слова.

– С Вероникой все будет хорошо. Уже скоро.

– Спасибо...

Маркиз Левич дождался, когда супруга покинет комнату, отпил бренди – который это уже бокал, интересно? – и с интересом уставился на меня:

– Ну и что у вас за просьба такая, Себастьян?

Я убедился, что, кроме Берты и Валентина, в холле никого не осталось, и неопределенно повертел в воздухе ладонью:

– Рискну предположить, что среди ваших служанок найдется распутная девица, не обремененная излишней моралью? Ее помощь была бы сейчас весьма кстати.

– Нужна помощь такого рода? – крикнул от неожиданности хозяин дома. – Вам?!

– Если бы! – вздохнул я. – Вы уж простите меня великодушно, но время не терпит...

– Отослать Изабеллу, это вы хорошо придумали, – рассмеялся маркиз и заговорщицки подмигнул: – Сейчас все будет. – И он во всю глотку заорал: – Миклош, где тебя бесы носят?! Ты мне нужен!

– И еще понадобится свободная комната, – попросил я и отставил бокал на низенький столик в углу.

– Соседняя как раз свободна.

Слегка покачиваясь на ходу, Левич зашагал навстречу выскочившему из арки мажордому, ухватил его под локоть и принялся что-то шептать на ухо. Я распахнул оказавшуюся незапертой дверь, заглянул внутрь и окончательно успокоился – подойдет.

Задрапированные простенькой однотонной тканью стены, туалетный столик, широкая кровать. Не иначе – гостевая.

Я махнул рукой развалившемуся на диванчике Валентину, и усач в один миг оказался рядом.

– Что нужно делать?

– Сейчас мальчишку вытащу, ты его за ноги примешь. И аккуратней, не сломай ему ничего!

– Все в лучшем виде сделаем! – фыркнул Дрозд.

– Ты напился уже, что ли? – пригляделась к нему Берта.

– Да все в порядке! Чего вы на меня наговариваете?

– Смотри у меня! – погрозил я усачу и предупредил: – Берта, как стукну, откроешь.

Сам заскочил в комнату, обошел экзорциста со спины и осторожно потянул на себя. Тот, как стоял – будто к доске примотали, – повалился назад, и мне с трудом удалось удержать его от падения, перехватив под мышки уже у самого пола. Тяжелый, зараза!

Попятился, стукнул пяткой в дверь и кое-как переступил через порог. На помощь сразу кинулся Валентин, и в четыре руки мы под звон нашитых на кожаное одеяние серебряных колокольцев занесли паренька в соседнюю комнату. Там Дрозд наступил на край плаща и едва не завалил нас всех на пол, но устоял и, тяжело отдуваясь, спросил:

– На кровать его?

– Нет, отпускай.

Кое-как мы установили уподобившегося изваянию монаха на ноги, убедились, что он не упадет, и отошли к двери.

– А чего не на кровать? – уже в коридоре удивился Валентин.

– Чтоб не расслаблялся.

С немым удивлением наблюдавший за нами маркиз шумно сглотнул и покачал головой:

– Вот это раскорячило его!

– Бывает, – махнул я рукой и вытер с лица пот.

– С Вероникой точно все в порядке? – с подозрением уставился на меня Левич.

– Все в порядке, – уверенно заявил я и с невозмутимым видом соврал: – Брат-экзорцист почти завершил ритуал, остались сущие пустяки.

– Поверю вам на слово, – успокоился хозяин дома и повернулся к неуверенно заглянувшей в холл служанке с грудью столь вызывающих размеров, что просто удивительно, как маркиза еще терпела ее в доме. – Марта, проходи!

– Да, ваше сиятельство...

– Себастьян?

– Смотри, красавица, – улыбнулся я и крутнул меж пальцев золотую монету, – есть полновесный флорин и непутевый девственник. Поможешь мне избавиться и от того, и от другого?

Марта вопросительно глянула на маркиза, тот кивнул, и тогда девица ловко перехватила золотой.

– Легко! – фыркнула она, но когда заглянула к экзорцисту, то неуверенно замерла на пороге. – Ой...

– Все в порядке, – ободрил я служанку. – Ты, главное, расшевели его.

Девица хихикнула и скрылась в комнате, а правильно истолковавший вырвавшийся у меня нервный смешок Левич отпил бренди и подмигнул:

– Не беспокойтесь, Марта и мертвого расшевелит.

Маркизу было видней, но все же я тихонько приоткрыл дверь и заглянул в щель. Впрочем, поводов для беспокойства и в самом деле не было: опустившаяся на колени перед братом-экзорцистом девица уже возилась с завязками кожаных штанов. Похоже – да, эта расшевелит.

– Берта! – окликнул я с трудом удерживавшуюся от смеха девушку и тихонько попросил: – Иди присмотри пока за Вероникой. – Но сразу придержал ее и шепотом уточнил: – Надеюсь, у тебя нет противоестественной тяги к молоденьким девицам?

– Моя единственная противоестественная тяга – это ты, – парировала девушка, зашла в комнату и уже через порог спросила: – На что обращать внимание?

– Если судороги начнутся или корчи, сразу меня зови. И за свечами следи, как прогорать начнут, предупреди.

– Знаешь, – улыбнулась вдруг Берта, – ты ведь вполне мог не тратить золотой, достаточно было просто попросить меня...

– Даже не смотри в его сторону, – украдкой погрозил я циркачке. – И не думай даже!

– Ты ревнуешь, дорогой?

– Нам с ним еще работать, поэтому не рой себе яму. Усекла?

– Как скажешь, любимый...

– Тьфу на тебя, – тихонько выругался я и захлопнул дверь. Взял оставленный на столе бокал и одним махом влил в себя бренди.

– Миклош, наполни бокал Себастьяна! – распорядился развалившийся на диванчике Левич.

– Не стоит, ваше сиятельство. Пока не стоит.

– Долго еще?

– Уже скоро.

Какое-то время я слонялся из одного угла в другой и посматривал на часы, потом не выдержал и заглянул к Берте.

– Все в порядке, – обернулась та на скрип двери. – Потеет только сильно, и все.

– А свечи?

– Горят.

Я с шумом перевел дух и, стараясь не выказывать беспокойства, перешел к соседней двери. Требовательно постучал, и уже через пару минут в холл выскочила растрепанная Марта.

– Ваш мальчик такой проказник, такой проказник! – прошебетала она, поправляя платье. – А уж какой выдумщик!

– Марта! – шикнул на служанку Левич, и хихикнувшая девица убежала из холла.

Следом показался нахлобучивший на голову широкополую шляпу брат-экзорцист.

– Ваше сиятельство... господа... – растерянно оглядел нас монах, и даже закрывавшая низ лица полумаска не помешала разглядеть, что похвалы девицы вогнали его в краску.

– Посмотрите мне в глаза, – потребовал я. Пригляделся и, не уловив ни малейших признаков бесноватости, уже со спокойной душой поторопил его: – Работайте. Время не терпит.

Звеня колокольчиками, экзорцист заскочил в комнату с бесноватой; мгновение спустя оттуда вышла Берта и вопросительно глянула на меня.

– Жди, – распорядился я, натянул камзол и плюхнулся рядом с маркизом. – А вот сейчас уже, пожалуй, можно выпить...

– Валентин, будь добр, – попросил хозяин дома.

Дрозд взял стоявший на придвинутом к дивану столике графин, наполнил нам бокалы, и мы выпили. Я перевел дух и глянул на часы. Четверть одиннадцатого. Нормально – теперь точно до полуночи уложимся.

Экзорцист завершил ритуал в половине одиннадцатого. Распахнув дверь, он замер на пороге, оттянул с лица полумаску и жадно глотнул воздуха.

– Что с моей доченькой? – немедленно кинулась к нему с расспросами вернувшаяся в холл Изабелла.

– Все хорошо, все хорошо, – принялся успокаивать ее монах и загородил дорогу подошедшему к комнате духовнику. А заодно и мне.

Я молча поднял руку, демонстрируя перстень с оттиском священного символа, спокойно отодвинул Изгоняющего в сторону и подошел к неподвижно замершей на кровати Веронике. Пригляделся и удовлетворенно кивнул, не уловив ни намека на скверну. Мальчишку можно поздравить – несмотря на осложнения, в итоге порчу выжиг он просто ювелирно. А девушка спит, просто спит.

– Берта! – позвал я циркачку, а когда та прошла в комнату, попросил: – Развяжи, осмотри и переодень в чистое. Думаю, все обойдется, но возможен рецидив. И учти – некоторые бесноватые склонны к членовредительству.

– Хорошо.

Я вернулся в холл, где рыдала от счастья повисшая на супруге Изабелла, и еще не успел взять бокал с бренди, как ко мне подступил брат-экзорцист.

– Мне известно, кто вы... – начал было он, но я немедленно втолкнул его в пустую комнату и прикрыл за собой дверь.

– И что же вам известно?

– Вы Себастьян Март, агент Тайной службы, а вовсе не официал ордена Изгоняющих! Вы не имеете никакого права здесь распоряжаться!

– Серьезное заявление, – вздохнул я, разглядывая взбитую кровать со съехавшей на пол периной. – Но для начала, наверное, стоило бы представиться?

– Меня зовут Марк Бонифаций Тарнье, – парень попытался надменно выпятить подбородок, но в полумаске это оказалось пустой затеей, – младший экзорцист ордена Изгоняющих!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.